

Т

№5⁽⁸⁾
Май 2006

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Внешторгбанк
энергия успеха

www.vtb.ru

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Уznaдзе

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Курхули, Алена Деняга

№5⁽⁸⁾
Май 2006

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАЙ НАШИХ!	ВСТРЕЧИ В РОССИИ	4
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	БУДУЩЕЕ У РУССКОГО МИРА ЕСТЬ	8
ДИАЛОГ С МАСТЕРОМ	ОТКРОВЕНИЕ КАМЫ ГИНКАСА	10
НОСТАЛЬГИЯ	МЫ НЕ ИМЕЕМ ПРАВА ПОТЕРЯТЬ ДРУГ ДРУГА	14
ЛЕНТА ПАМЯТИ	ОДИН ДЕНЬ БУЛАТА ШАЛВОВИЧА	16
ШЛЕЙФ ПРОШЛОГО	БАТУМ, ИЛИ ТРИ ПОПЫТКИ ПОБЕДИТЬ СУДЬБУ	20
СВЕРХЗАДАЧА	ПРИТЯЖЕНИЕ МЫСЛИ	24
КОРНИ РОДА	ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	26
ПАМЯТЬ	КОГДА БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ...	28
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	НЕ ТОЛЬКО СУДЬБА	30
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	ПЕРВЫЙ КЛОУН ГРУЗИНСКОГО ЦИРКА	32
ЛИТЕРАТОРИЯ	АРСЕН ЕРЕМЯН	35
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	РАЗВЕ МОЖНО ЗАБЫТЬ...	36
ДИАЛОГ КУЛЬТУР	БОЛЬШОЕ ВРЕМЯ В ЭПОХУ ФРАГМЕНТАЦИИ	38
ПЕРЕВОДИМ	ЗВИАД РАТИАНИ	41
АРХИТЕКТОН	ЗАСТЫВШАЯ МУЗЫКА АЛЕКСАНДРА ОЗЕРОВА	42
О, СПОРТ!	СТАРШИНА С АДМИРАЛЬСКОЙ ФАМИЛИЕЙ	46
МУЗЕЙОН	СОКРОВИЩНИЦА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСКУССТВА	48

ЗНАЙ НАШИХ!

ВСТРЕЧИ В РОССИИ восьмой международный фестиваль русских театров стран СНГ и Балтии
7-15 апреля 2006

к 15-летию СНГ

Встречи в России

Моноспектакль ведущей актрисы Тбилисского государственного русского драматического театра имени Грибоедова Ирины Мегвинетухуси «Желтый ангел» был представлен в программе Международного фестиваля русских театров стран СНГ и Балтии «Встречи в России», который проходил в Санкт-Петербурге 7-15 апреля.

Этот театральный форум проводится ежегодно уже в восьмой раз. В нынешнем году он был посвящен 15-летию образования Содружества Независимых Государств. Ранее грибоедовцы уже дважды участвовали в этом смотре искусства русских театров бывших республик СССР.

Учредителями фестиваля выступают министерство культуры Российской Федерации, Комитет по культуре правительства Санкт-Петербурга, Межрегиональная общественная организация Санкт-Петербурга и Ленин-

градской области «Отделение СТД РФ», Балтийский банк, театр-фестиваль «Балтийский дом».

Проводился форум совместно с Центром поддержки русских театров за рубежом и Союзом театральных деятелей России. Главные его цели и задачи – способствовать укреплению культурных связей с соотечественниками, популяризации русского сценического искусства и русской театральной школы, взаимному обогащению русских театров, работающих в разных странах, установлению плодотворных творческих контактов.

«Встречи в России», пожалуй, единственный театральный фестиваль, который дает возможность русским театрам из новых независимых государств представлять свое искусство в России. За время его существования в нем приняли участие театральные коллективы из всех бывших союзных республик, в том

Ирина Мегвинетухуцеси, - в программе фестиваля не было спектаклей, которые бы вызвали бы у меня потрясение. А может быть, мне просто не повезло, потому что посмотреть все работы у меня не получилось. Например, спектакль «Тартюф» театра из Узбекистана, который очень хвалили, игрался одновременно с моим спектаклем. «Тартюф» - на большой сцене, «Желтый ангел» - на малой. Что же касается вообще моего участия в фестивале, я, конечно, рада, что получила такую возможность. Санкт-Петербург - это мой любимый город на постсоветском пространстве, где мне всегда приятно бывать. Главное же, атмосфера любого фестиваля - она такая, сумасшедшая немного. И это здорово. Спектакль «Желтый ангел» я играю в Тбилиси уже давно. Настрой, эмоции - все это притупляется как-то. А показывая его новому зрителю, в новой обстановке, как бы возвращаешь себе ощущение премьеры. Тем более, если это происходит на таком представительном форуме, как «Встречи в России». Вообще, это одна из самых любимых моих работ. Она была посвящена юбилею Александра Вертинского. Я пою в спектакле песни этого самого необычного русского шансонье, которые органически вплетаются в монолог, написанный Автандилом Варсимашвили, и рассказывающий о непростой женской судьбе. Варсимашвили выступил также в качестве режиссера-постановщика «Желтого ангела». Очень много сделал для того, чтобы этот спектакль состоялся, руководитель «Русского клуба» Николай Свентицкий. Собственно, все началось с его решения отметить юбилей Александра Вертинского. А в процессе работы стали появляться новые идеи, все как-то закрутилось и пришло в итоге к тому результату, который мы имеем. Ранее «Желтый ангел» уже показывался на фестивале моноспектаклей в городе Вентспилс и был хорошо встречен критиками и зрителем.

Работу актрисы из Грузии высоко оценили и на «Встречах в России».

«Спектакль «Желтый ангел» стал одним из запоминающихся событий фестиваля и вызвал большой интерес публики и профессионалов. Сердечно благодарю всех создателей спектакля за высокопрофессиональную работу и надеюсь на продолжение творческого сотрудничества», - так отозвался об этой постановке руководитель фестиваля «Встречи в России» С. Шуб.

В прошлом году в рамках форума впервые прошел мастер-класс актеров русских театров стран СНГ. Был реализован интернациональный театральный проект - осуществлена постановка «Композиция до мажор» на основе документов эпохи Второй мировой войны, которая посвящалась 60-летию Победы над фашизмом. В ней приняли участие актеры из Литвы, Узбекистана, Украины, Эстонии, Киргизии и России.

Начинание оказалось настолько интересным, что в рамках восьмого фестиваля «Встречи в России» было решено продолжить традицию. Еще за месяц до начала форума в Санкт-Петербурге собрались актеры из Грузии, Узбекистана, Украины, Таджикистана и Российской Федерации, с которыми молодой режиссер из Санкт-Петербурга Егор Чернышев поставил спектакль по пьесе Горького «На дне». Грузию представляли молодые актеры театра имени Грибоедова Дмитрий Мерабишвили и Денис Дашков.

- Мы прилетели в город на Неве из Москвы, где были на гастролях со спектаклем «Чиполлино», - рассказывает Денис, - и практически сразу же приступили с репетициям. Участие в проекте было интересным и важным для меня уже хотя бы потому, что мне ни

разу не приходилось до этого работать за пределами Грузии. Меня и Диму пригласили участвовать в проекте, увидев наши фотографии на Интернет-сайте театра имени Грибоедова. Я играл Сатина, Дима - Ваську Пепла.

Поначалу немного смушало, что мне, 22-летнему актеру, предложили сыграть роль человека, которого обычно представляют себе гораздо старше. Но вскоре все встало на свои места. Я не старался играть возраст, такой задачи передо мной не стояло. Мне приходилось встречаться с людьми, в чем-то похожими на Сатина, которым могло быть и 50 лет, а то и больше, и 25, а иногда и меньше. Это были люди, изрядно потрепанные, с большим и часто очень непростым опытом, независимо от количества прожитых лет, и, вместе с тем, мужественные, честные с собой и окружающими, ищущие смысл и цель в жизни. Пробовал искать соответствующие роли аналогии. Например, вспоминал фильм «Однажды в Америке», герои которого, выросшие в жестких условиях улицы, уже к 20 годам обладали богатейшим жизненным опытом, были совершенно

сложившимися людьми. В их устах известные сатинские фразы: «Человек» - звучит гордо», например, или «В карете прошлого далеко не уедешь» могли бы восприниматься вполне органично.

Постановка оказалась достаточно необычной. Спектакль начинался с того, что мы сидели и просто читали текст. Как радиопьесу, не играя. Постепенно вставали, начинали двигаться, входить в роли. Работать в такой форме было немного непривычно, но результат, как мне кажется, получился неплохим.

В то же время, перед поездкой в Санкт-Петербург мы с Димой немного побаивались, что нам будет трудно сработаться с коллегами, представляющими коллективы с разными театральными традициями. Опасения оказались совершенно напрасными. Мы с самого же начала прекрасно понимали друг друга, может быть, не в последнюю очередь, и потому, что Георгий Товстоногов, ряд ведущих актеров Санкт-Петербурга в свое время начинали свою карьеру в Тбилиси. Даже профессиональный сленг, который, как нам казалось, понятен только грибоедовцам, оказался достаточно универсальным.

- Спектакль, - вспоминает Дима Мерабишвили, - мы сыграли на фестивале трижды - 6, 8 и 9 апреля. При обсуждении, а в рамках фестиваля проводились обсуждения представленных работ с участием ведущих театральных критиков России, стран СНГ и Балтии, работу оценили достаточно высоко. Есть основания рассчитывать на то, что она будет жить и дальше. Уже поступили предложения показать спектакль в разных городах Содружества, в первую очередь, в Москве. Высказывалось также мнение о целесообразности привезти его во все те города, где живут и работают участвующие в нем актеры. В том числе, и в Тбилиси, конечно.

Не менее значительной для меня оказалась и возможность познакомиться с коллегами из стран Содружества. У нас сложились удивительно теплые, дружеские отношения. В процессе общения с ребятами из России, Украины, стран Центральной Азии нам еще раз пришлось убедиться в том, насколько тенденциозно освящается положение в наших государствах средствами массовой информации, насколько далеки от реальности наши представления друг о друге, сложившиеся под влиянием СМИ. Наши контакты, несомненно, не прекратятся. Более того, мы договорились, что, если появится такая возможность, мы поработаем вместе еще, неважно, где это будет - в Грузии, Украине, Таджикистане, Узбекистане или России.

Спектакль вызвал отклики в прессе в Санкт-Петербурге. К сожалению, у меня нет газет, в которых были опубликованы рецензии на эту работу. Но мне обещали их прислать, и тогда об этой стороне вопроса можно будет говорить более предметно.

ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ

«На дне»

БУДУЩЕЕ У РУССКОГО МИРА ЕСТЬ

Для многих российских организаций соотечественников за рубежом насущными являются проблемы защиты их прав, сохранения русского языка и культуры, национальных традиций, получения образования на русском языке, приобщение молодого поколения к историческому и культурному наследию России, поддержке ветеранов и социально незащищенных слоев населения. О путях решения этих проблем корреспонденту «Русского клуба» рассказывает начальник Управления по работе с соотечественниками и странами СНГ и Балтии Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при МИД РФ «Росзарубежцентр», доктор политических наук **Татьяна Викторовна Полоскова**.

- Это мой третий визит в Грузию. Я очень очень любила вашу страну, грузинский народ. Первый раз я приехала в Грузию весной 2004 года, когда возглавляла группу экспертов. Мы по заказу МИД РФ проводили мониторинг положения российской диаспоры в Грузии. Недавно вышла книга, в которой приводятся данные по СНГ и Балтии, кроме Туркмении. На основании этих

Е. Внуков и Т. Полоскова

данных принимаются решения по конкретным направлениям деятельности России, связанных с поддержкой русской диаспоры за рубежом.

А в ходе нынешнего визита в Грузию мы уже встретились с нашими коллегами в Министерстве иностранных дел Грузии. Обсуждался вопрос ускорения подписания соглашения, необходимого для строительства культурных центров - российского в Грузии, грузинского в России. В

последнее время МИД Грузии начал активно заниматься вопросами консолидации зарубежной грузинской диаспоры. А так как мы имеем достаточный опыт по данному вопросу, то с нашей стороны были предложены услуги по обмену технологиями работы с зарубежной диаспорой.

- К сожалению, грузинская диаспора в России пока не достаточно активно проявляет себя в плане налаживания двусторонних отношений, как это, к примеру, делает азербайджанская диаспора.

- Кроме этого, в рамках нынешнего визита состоялись гуманитарная акция по вручению компьютерной техники руководителю русской редакции Общественного телерадиовещания Грузии Ирине Чуприной и встреча с соотечественниками, где было задано много вопросов, связанных с поправками в «Закон о соотечественниках», программой содействия возвращения соотечественников на Родину. Обсуждались и вопросы поддержки русского языка, культуры, образования...С осени 2006 года мы планируем провести на территории Грузии несколько акций гуманитарного и культурного характера.

- Расскажите, пожалуйста, подробнее о программах, которые реализуются в странах постсоветского пространства, в частности, Грузии.

- У нас есть постоянно действующий круглый стол «Диалог-центр», куда входят представители экспертных кругов разной политической направленности стран СНГ и Балтии. В этом составе мы проводим круглые столы в различных государствах мира, в том числе на площадках «Росзарубежцентра» в дальнем зарубежье по тематике:

процессы на постсоветском пространстве и их отражение в СМИ. Мы хотели бы привлечь к участию и экспертов из Грузии, провести с грузинскими коллегами серию конференций, круглых столов. Надеюсь мы найдем партнеров и осуществим задуманное. Так как одним из наших приоритетов является информационное обеспечение деятельности России на постсоветском пространстве. У нас разработаны программы, связанные с поддержкой русской культуры. В частности, сегодня был представлен проект «Русские салоны». Он предусматривает поддержку молодых певцов, исполнителей русской классической музыки, которые не имеют возможности гастролировать. Так, недавно в Молдавии и на Украине состоялись гастроли певца из Таджикистана. Подобные мероприятия мы намерены провести и в Барселоне. Кстати, нам уже предложили молодую, талантливую грузинскую певицу, исполняющую русские романсы. Кроме этого, «Росзарубежцентр» будет принимать участие в реализации федеральной программы по поддержке русского языка за рубежом. Поскольку в Грузии у нас нет культурного центра, мы хотели бы более тесно сотрудничать с Тбилиским русским театром имени

А. Грибоедова. Сегодня я говорила с его директором господином Николаем Свентицким о возможных формах сотрудничества. Причем, он обратил особое внимание на необходимость включения в орбиту русской культуры представителей титульной нации. У нас есть такая форма помощи, как поддержка моноспектаклей на базе российских центров науки и культуры. Была высказана просьба о поставке в библиотеки Грузии общественно-политической

литературы. В Москве есть общественная организация - Европейский форум, с которой мы тесно сотрудничаем. В рамках этой организации регулярно издается современная общественно-политическая литература. Часть этой литературы мы намерены отправить в Грузию.

- Татьяна Викторовна, только лишь культурой и языком ограничивается жизнь этнической группы? Должны ли диаспоры заниматься политикой?

- В Грузии это не так заметно, но в ряде стран на базе диаспоральных организаций создаются политические движения, объединения. Хотя в России, например, создание партии по этническому признаку запрещено. Но есть другая тенденция. В ряде стран, когда в повестку дня встает вопрос о защите прав национальных меньшинств, политические партии создают представители титульной нации. То есть это предпосылка стабильности страны. Здесь диаспоральные структуры так или иначе включены в орбиту политической деятельности. Однако для меня в данном контексте имеет большое значение их роль, как моста между двумя странами. А вот роль диаспоры в развитии российско-грузинских отношений очень большая, но пока она недооценивается. Если нам предложат провести семинар на тему «Роль диаспоры в российско-грузинских отношениях» мы с удовольствием примем в нем участие.

- Вы являетесь одним из авторов книги «Российская диаспора в странах СНГ и Балтии». Каково положение российской диаспоры в Грузии по сравнению со странами ближнего зарубежья?

- К сожалению, на фоне других стран Грузия выглядит далеко не самой благополучной. Мы получили довольно хорошие результаты в Азербайджане. Где, как известно, не была закрыта ни одна русская школа. Довольно хорошо выглядит и восточная часть Украины. Однако, здесь разный подход и разные критерии. Например, в Прибалтике социально-экономическая ситуация очень хорошая, но политическая ситуация оставляет желать лучшего. А в Грузии в плане бытовых отношений между русскими и грузинами больших проблем нет, но здесь сложная социально-экономическая ситуация и население уезжает за границу.

- Кто подразумевается под термином «соотечественники»?

- У нас довольно сложная система определения этого понятия. Сейчас готовятся поправки в «Закон о соотечественниках», потому что российская диаспора в отличие, например, от армянской - многонациональная, в отличие от еврейской - многоконфессиональная. То есть у нас крайне сложно определить этот критерий. Согласно «Закону о соотечественниках» под это определение попадает большое количество людей. Это практически все жители бывшего СССР и потомки тех, кто жил на территории Российской империи, кто считает себя русским по языку, культуре и духу. Безусловно, термин «соотечественники» нуждается в коррекции. Конечно, соотечественники - это прежде всего российские граждане, проживающие за рубежом, они связаны с нами гражданскими узами. Есть один хороший термин «Русский мир». Думаю, что он более приемлем и грамотен. Его в 2001 году во время Первого конгресса соотечественников озвучил президент России Владимир Путин. Я подготовила часть текста документа, касающегося русского мира. «Русский мир», «Русский культурный мир» - это люди вовлеченные в орбиту русской культуры, русского языка, интересующиеся Россией. Поскольку это культурный мир, то он, естественно, направлен на культурную составляющую. Возникла задача, чтобы люди, входящие в орбиту русского культур-

ного мира были информационно и культурно завязаны на Россию. Хотя, с правовым определением термина пока довольно сложно.

- Стоит ли проблема русского языка в Грузии?

- Думаю, что да. К сожалению, русский язык теряет здесь свои позиции, но не по своей вине и весьма незаслуженно. Русский язык - это реальный путь в мировую культуру. Конечно, я с уважением отношусь ко всем языкам. Любой язык хорош и заслуживает уважения, но русский язык - это не просто язык русских, язык России. Это более важный компонент мировой цивилизации.

- По мнению экспертов, система поддержки соотечественников развита намного лучше, чем шесть-семь лет назад. Что повлияло на это?

- Я пятнадцать лет работаю в этом направлении после распада Советского Союза. Работа стала более системной, улучшилось финансирование, появились новые профессиональные кадры. Когда мы начинали работать, тогда никто не знал, что это такое и как этим заниматься. Четыре года назад в Дипломатической академии открылись курсы по подготовке дипломатов для работы с соотечественниками. Появились партнеры в различных странах. Как ни странно, организаций соотечественников много, но найти хороших партнеров сложно. Из ста организаций семьдесят существуют на бумаге. Кроме этого, за последние два года возникла четкая линия, что положение диаспоры прежде всего зависит от характера, состояния отношений между странами. То есть работа с титульной нацией, политической элитой страны стала одной из основных наших задач. Кстати, еще один приоритет «Росза рубежцентра» - формирование круга друзей в различных слоях общества.

- Каковы перспективы открытия в Грузии российского культурного центра?

- Пока нет межправительственного соглашения, центр строиться не может. Поэтому сейчас главная задача - подписание рамочного договора. Мы ждем ответа грузинской стороны.

- Какие поправки будут внесены в российский «Закон о соотечественниках»?

- Поправки должны коснуться облегчения процедуры получения гражданства, переезда, предоставления статуса при переезде. Закон «О соотечественниках» имеет декларативный характер. Нужны поправки в сфере преференций и льгот. Ведь люди даже не понимают, есть закон или нет. А что принципиально меняется? Надо что-то реально предлагать. Это и есть та задача, которая обсуждается. Я рассчитываю, что к концу текущего года обновленный закон будет обязательно принят.

- Каким видится вам будущее российской диаспоры? Не секрет, что актив общественных организаций соотечественников, в большинстве случаев, составляют люди довольно зрелого возраста.

- Российская диаспора в ряде стран до 1991 года спокойно обходилась без помощи СССР. Конечно, мы работали в основном с теми структурами, которые выступали в поддержку коммунистов, хотя не всегда. А в странах Латинской Америки российская диаспора существовала с конца 18 века. И не получая от России ни финансовой, ни моральной помощи, благополучно дожила до сегодняшнего дня. Даже если Россия не будет заниматься своими соотечественниками российская диаспора не исчезнет, она просто сузится, как шагреновая кожа. Но поскольку Россия заинтересована в поддержке своих соотечественников за рубежом, то мне кажется, что будущее у «Русского мира» есть.

ЛИЯ БЕНДУКИДЗЕ

Откровение Камы Гинкаса

7 мая 2006 года исполняется 65 лет Каме Гинкасу, одному из самых известных российских театральных режиссеров. Уроженец Литвы, выпускник Ленинградского театрального института, ученик Г.Товстоногова, он был признан довольно поздно, почти до 40 лет ходил в молодых и безработных. Сегодня он мэтр, преподает и ставит в разных странах, а каждый его московский спектакль – событие, будь то давние «К.И. из Преступления», «Пушкин. Дуэль. Смерть», или недавняя чеховская трилогия «Жизнь прекрасна» («Дама с собачкой», «Черный монах», «Скрипка Ротшильда»), или самая последняя работа – «Нелепая поэмка» по Достоевскому. В основе спектакля, поставленного Гинкасом в ТЮЗе, – «Легенда о великом инквизиторе» из романа «Братья Карамазовы». Это, пожалуй, самый сильный спектакль последнего московского сезона, вызвавший жаркие споры среди профессионалов.

– Вы почти никогда не ставили комедий. Почему?

– Потому что у меня нет чувства юмора. Когда я так говорю, люди сердятся: «Как же так! В вашем Достоевском столько юмора, столько иронии...» И я никак не могу им объяснить, что на основе мрачной, тяжелой, трагической драматургии Достоевского или Шекспира юмор высекается естественно: потому что дальше некуда, настолько все трагично. А юмор как признак просто веселья мне не свойствен. И никогда не был свойствен. Я не мрачный человек. Но тяжелый. Нелегкий.

– Самый недооцененный Ваш спектакль?

– «Записки из подполья». Это был шок для зрителя. Но у Достоевского каждые полтора слова шок! В театре часто считают, что литература может быть резкой, а играть при этом следует элегантно. Но, читая Достоевского, вы же вздрагиваете?! А в театре надо же передать это впечатление? Когда в моем «Преступлении и наказании» взмахивали топориком над живой курочкой, задача была очень простая, такая же, как у Федора Михайловича: дать зрителю почувствовать, что, когда всаживают топорик в голову, это вообще-то нехорошо. Настолько нехорошо, что Раскольников, проделавший это на первых ста страницах романа, потом еще пятьсот страниц мучается. Но это в книжке. А в жизни? Зрителю надо же было дать это почувствовать. Если бы зритель не получил этого впечатления, он бы не пошел вслед за Достоевским, а я бы не добился того впечатления, которого хотел он. Просто

средства у нас разные: у него – литературные, у меня – театральные.

– *Есть автор, которого Вы никогда не будете ставить?*

– Я думаю, таких много. Мне кажется, Островский – один из них.

– *Зачем люди вообще ходят в театр?*

– В театр зрители ходили *всегда*, чтобы провести время. Чтобы *культурно* провести время – это следующая ступенька: вместо того, чтобы выпивать в подворотне, забивать «козла», бить жену, он в воскресенье ведет ее в театр. В советское время часто ходили в театр, чтобы услышать проповедь или вместе с персонажем исповедоваться. Некоторые фрондирующие театры, рассказывая, например, про стройку, как бы рассказывали, что они недовольны советской властью. И, сидя в зале, мы смеялись, понимая: не мы одни так относимся к этой власти, все вокруг ее недолюбливают, во всяком случае, замечают ее отдельные недостатки. Но были тогда (есть и сейчас) зрители, которые нечто большее открывают вместе с театром – про себя, про жизнь, про экзистенцию вообще. То есть с ними происходит то, что происходит с любым настоящим потребителем искусства. Они что-то постигают про мир, про взаимоотношения себя и общества, себя и другого человека. И они нуждаются в этом.

– *Современный театр способен, простите за грубость, организовать им катарсис? И должен ли? Это ли главная задача театра?*

– Одна из задач. Но у меня брезгливое отношение к театру, который *призывает к размышлению*. Театр, в первую очередь, должен потрясать. По-разному потрясать. Потрясать красотой, весельем, жизнелюбием, трагическими парадоксами жизни, какими-то несовместимостями, контрастами, театральными формами. Просто игрой, наконец... Обязательно потрясать! Если этого нет, то зачем? Манная каша, что ли? По-моему, это недостойно.

– *У Вас в жизни были театральные потрясения?*

– И очень большие! Их немало. Первое потрясение – мне лет 6, родители собираются в Каунасскую оперу на «Демона», а я устраиваю им истерику и заставляю взять с собой. Очень хорошо помню поющего человека с синими волосами, небывалого роста. А потом он вдруг спускается на авансцену и превращается... в карлика. Оказывается, певец стоял на горе и, сливаясь с нею, казался мне великаном. Второе потрясение – мне лет 15, я приехал в Ленинград и, стоя на ярусе, смотрю «Оптимистическую трагедию» в Пушкинском театре. Помню, как вышел из театра в огромной толпе, и меня качало... Все очень волновало, все. Декорация – мощная: вроде как палуба, а может быть, и море. Выходили на сцену строем двадцать – а казалось, двести! – моряков и обращали какие-то пламенные речи в зал, и чего-то от меня требовали, и военный оркестр играл, и кого-то убили, и кого-то сбросили за борт, и был очень страшный и смешной Вожак – Юрий Толубеев. Это был почти глобальный театр. Казалось, весь мир вздыбился, дрожит, бежит, чего-то требует, очищается... Следующее потрясение произошло года через полтора-два. Я приехал в Москву, будучи уже студентом Вильнюсской консерватории, и прорвался к Охлопкову на «Медее». Я знал уже, кто такой Охлопков, я даже знал, что поставил «Оптимистическую трагедию» Товстоногов, я уже поступал к нему на режиссуру и не поступил. Я знал и о полемике между Охлопковым и Товстоноговым: Охлопков ратовал за романтические, широкие, условные, в духе Мейерхольда, формы, а Товстоногов – за живой театр. Это была очень интересная полемика. А тогда, на «Медее» я помню, как прорвался через служебный вход

зала Чайковского, пока прорывался, опоздал минут на пятнадцать к началу, непонятно как нашел дорогу в зал, оказался где-то буквально под потолком. Но, пока я шел, меня уже трясло. Сначала я услышал барабанную дробь, потом огромную площадку без декораций, двое актеров в черных трико вынесли на нее огромную, трехметровую величины маску, и актриса Козырева низким голосом что-то сказала. У меня волосы встали дыбом! Я не преувеличиваю. Я почувствовал, что попал в атмосферу театра. Нет, в сферу театра, в среду театра, где все есть театр. Все, чего ни коснешься и куда ни глянешь...

Были и еще потрясения: «Пять вечеров», «Горе от ума»,

«Мещане» – в БДТ. «Дон Жуан» Эфроса – и с Козаковым, и с Волковым. Спектакли Планшона. «Умерший класс» Тадеуша Кантора и его последний спектакль «Сегодня мой день рождения». «Плутни Скапена», «Вкус меда» и «Красная шапка» Геты Яновской (*Генриетта Яновская – известный режиссер, главный режиссер московского ТЮЗа и жена К.Гинкаса. – Н.К.*). И в этом же ряду – «Взрослая дочь молодого человека» Анатолия Васильева... Театр Буто, Пина Бауш, балеты Матса Эко... Первые спектакли Някрошюса: «Пиромани», «Квадрат». Из последних и мощных потрясений – спектакль Ромео Кастелуччи «Юлий Цезарь»... Но основополагающее потрясение, которое перевернуло все в моей жизни, – «Король Лир» Питера Брука. Я знаю, что во мне *оттуда*. Я такой режиссер, какой я есть, поэтому. И потому, что меня учил Товстоногов. Мой скелет, мой костяк – это товстоноговская школа, конечно. Я много лет проклинал ее, хотел быть другой фигурой, но нет, от папы не избавиться. Скелет – товстоноговский.

– Существует мнение, что Товстоногов в жизни многих своих учеников сыграл роковую роль. Это так?

– Ну, как вам сказать... Мне было бы легко согласиться: да, моя судьба такая, какая она есть, потому что якобы Товстоногов приложил к этому руку. Нет, не думаю, что он чему-нибудь помешал. Скажу даже больше: он трижды очень нам с Гетой помог. Один раз, будучи депутатом, написал письмо, благодаря которому мы получили комнату и зажили, как люди. Во второй раз, когда я ехал работать в Красноярский ТЮЗ, и нужна была рекомендация, Товстоногов ее написал. А когда я еще был студентом, меня страшно гребли в армию. И Товстоногов тогда написал военкому Ленинграда, что Гинкас – самый талантливый студент его курса, и, если его заберут, разрушится весь процесс обучения. На что военком тогда сказал моей жене: «Ничего не понимаю! С одной стороны, вы представляете справку, что Гинкас – психически больной, а с другой – Товстоногов утверждает, что он самый талантливый!»). А Гета объясняла ему, что в этом-то все и дело, одно не противоречит другому: «Я вот тоже учусь у Товстоногова и очень страдаю». – «Почему?!» – «Потому что я абсолютно нормальная. А он психически больной и поэтому гениальный». (*Смеется.*)

– За 25 лет, что мы с Вами знакомы, Вы мало изменились. Но улыбаться, точно, стали реже.

– Все очень просто. Бывают улыбки от веселья, оттого что все хорошо. 25 лет назад, в совсем невеселое время, у меня могло быть много поводов для веселья – от азарта. Мне долго не давали работать, а потом дали! Я был жаден, я получил возможность! И от этого был кураж.

– Могли ведь и отнять.

– Конечно! Для меня было естественно, что отнимут. Но хотя бы успеть воспользоваться, надышаться. Мне выпала удача – не закончить, как я думал, жизнь, гуляя с собакой по Фонтанке, а поставить, например, «Пять углов» в Москве, а потом «Вагончик» («*Пять углов*» С.Кокочкина – спектакль Театра им. Моссовета, «*Вагончик*» Н.Павловой – спектакль МХАТа. – Н.К.). Это как перед смертью дали бы выпить рюмку. Ну и выпью, а что? Я Дюрренматтов в своем воображении сочиняю, Шекспиров, а мне дают Кокочкина и Нину Павлову. «Ты что, будешь *это* ставить?!» А конечно, почему ж нет?! Это меня и спасло. То, что я не делал гениальные спектакли. В общежитии МХАТа, где я тогда жил, я даже повесил лозунг: «Кама! Не делай гениальных спектаклей!» Я делал что-то, и все говорили:

ну надо же! А я делал простые вещи. И думал: дураки, это же я так, развлекаюсь, вот в Ленинграде и Красноярске я делал такое... Мне тогда было нечего терять.

– А сейчас? Есть ощущение, что каждый следующий спектакль Вы обязаны сделать лучше предыдущего?

– Ей богу, нет. Но тогда было ощущение перспективы: я этого не сделал, и этого, и это в спектакль не влезает, а я все рано воткну. Сейчас другое: ты делаешь и понимаешь, что тебе не вырваться за пределы собственных возможностей. А вырваться хочется! В юности ждешь этого и на это надеешься: вот сейчас, стартовая площадка, а потом ты вылетишь... черт его знает куда. А теперь взлетаешь, все говорят: «О, как высоко он летит!», а ты знаешь: оп, потолок-то известен, мысль все равно крутится вокруг так или иначе тобою уже протоптанных... (*Длинная пауза*)

– ... тем? приемов? сюжетов?

– Способов. Выработался некий способ театра, который, возможно, даже называется Театр Гинкаса... Долго он выработывался, кого-то раздражал, отталкивал, наконец, наступила его стабилизация... зритель и критики все еще говорят: «О, это интересно, хорошо, это достойно», а ты понимаешь, что какая-то энергия еще есть, но – все равно в пределах твоих возможностей. Силу гравитации не преодолеть. Так запрограммировано.

– Кем?

– Папой с мамой. Природой. Я всегда пытался вырваться за пределы. Например, мечтал перерезать товстоноговскую пуповину и привить себе нечто эфросовское. Что-то привилось, но я-то знаю, что я все равно товстоноговский. Я все равно не прыгаю выше, чем мой костяк позволяет.

– Это Вас удручает?

– Нет. Просто иногда немножко скучно... Но я думаю, что все случилось, как надо. И очень хорошо, что в моей молодости чего-то было нельзя, не было возможности, потому что иначе я бы занялся пустой формой и прозевал содержание... Все можно? Когда все можно, то это неправильно. В искусстве не может быть «все можно». Искусство – это законы, которые художник сам перед собой ставит. Но для того, чтобы выработались его внутренние законы, иногда совсем не вредно, чтобы существовали внешние запреты. Это дает энергию, жажду пре-о-до-леть, и ты знаешь, что конкретно преодолеваешь. А если нет канонов, то и не видно, что ты вырвался за пределы. Я думаю, что за период перестройки серьезное искусство так и не родилось потому, что все дозволено в художественном смысле. А нужен канон.

Это как в жизни. Каждому человеку положен определенный срок жизни, положено быть на двух ногах, определенного роста... Параметры мы знаем, они ужасно лимитированы, но человек не может с этим смириться и внутри этих лимитов хочет быть свободным. Он не может прыгнуть выше головы, но все равно стремится к этому.

– А реальной свободы, значит, быть не может?

– Нет, конечно! (*Смеется.*) Как мы можем быть свободны? Мы родились не по своей воле и уйдем не по собственному желанию. Нам дан определенный срок, мы его не знаем. Вы черноволосая, я седой, вы женщина, я мужчина, я еврей, вы нет, я родился в Литве, вы в Грузии. Вы выбирали? Нет. Я тоже. Почти никакой свободы.

– Тогда какой смысл?

– О-о, огромный – ощутить свободу в этих пределах (белого листа, комедии дель арте, оперы или балета, в

пределах комнаты или улицы)... ведь и это так много свободы.

– *Это ощущение доступно только человеку, который занимается творчеством?*

– Только творческому человеку – это шире. Тому, кто, как сказано у Достоевского, право имеет. Пе-ре-сту-па-ет.

– *Ой!*

– Ну, я же не про преступление сказал! Доступно человеку, который позволяет себе стремиться к невозможному. А есть люди (и их много, может быть, даже большинство), которые живут, как положено. Можно считать это мудростью. А можно считать, что их просто нет.

– *Но ведь конец один?*

– Да, и тем не менее. Есть только те, кто переступает положенный им предел. Остальных нет. Это и есть дело человеческое. Мы люди только тогда, когда позволяем себе больше, чем нам дозволено природой.

Последние пять лет Гинкас преподает режиссуру в Школе-студии МХАТ, в этом году семеро его учеников получают диплом. Возможно, осенью он снова наберет курс. Поэтому я не могу не задать следующий вопрос.

– *Что вы говорите студентам при первой встрече?*

– Что им предстоит адская жизнь. Что талант – это заболевание. И заболевание диктует. Если его нет, то это проклятая жизнь. Второе, что я им говорю, что занятие искусством – это определенные рефлексy, и этим рефлексам, ремеслу, можно научиться. Если есть ремесло, может быть и творчество. Это все равно будет мука, но мука естественная. И удовольствие от занятия любимым

Это нормально, это естественный процесс... Правда, не все таланты заразные.

– *Ваше отношение к шестидесятникам?*

– Если вы имеете в виду их наивные политические воззрения, некие романтические представления об улучшении советской действительности, о коммунизме с симпатичным лицом, то мое литовское воспитание, в том числе и идеологическое, сильно отличалось от российского. К ним я никакого отношения не имел. Если вы имеете в виду шестидесятников театральных, то скрупулезный, добросовестный критик, конечно, увидит во мне некие родовые черты того времени, и свяжет мои спектакли, например, с тем же Питером Бруком, который произвел впечатление на все мое поколение.

– *Вы ощущаете себя человеком поколения?*

– Я надеюсь, что все-таки существую сам по себе. Любой режиссер – это одинокий волк.

– *Так сложилось или...?*

– Так сложилось, и так принципиально, поскольку всякий творческий человек стремится сохранить свою индивидуальность. Совсем не хочется сливаться с толпой. Хотя критики нас группируют... И, тем не менее, всегда подчеркивают, что Гинкас – немножко отдельно.

– *Раз уж мы опять вспомнили Брука... какая из бруковских формул театра Вам ближе?*

Мой собеседник надолго задумывается. Я пытаюсь подсказывать: «Тотальный театр, священный, грубый, театр как таковой. Театр потрясающий, – оговариваюсь я, а потом поправляюсь. – В смысле, театр, который потрясет». Мы оба смеемся.

– Ну, вот вы и подсказали. Театр потрясающий. Без комментариев.

– *Ваше первое детское воспоминание.*

– Серебряная ложечка и китайская фарфоровая чашечка. Это первое, что я помню. Видимо, мне было два-два с половиной года. Меня тогда вытащили из гетто, где я родился и где не то что чашечки и ложечки – корки хлеба, как вы понимаете, не было. На некоторое время меня приютили и спрятали в доме у литовского поэта Казиса Бинкиса. У него был свой дом, большая семья, много детей и внуков, среди которых я должен был затеряться. Это была серьезная проблема – отучить меня от еврейского языка (а я говорил только на идиш) и отучить меня картавить (а картавил я страшно). Через полгода я напрочь забыл идиш и научился говорить на чистом литовском языке. И второе воспоминание: теплая стена дома, возле нее, грея спины, стоят трех-четырёхлетние детишки, вроде

меня, тень от дома напротив падает к нашим ногам, и в этом крошечном островке тепла и света мы вот так стоим и беседуем – о чем-то очень серьезном, как взрослые. И ощущение оглушающей, ошеломляющей тишины вокруг. Возможно, это были первые дни после окончания оккупации...

делом. Не любого можно научить творчеству, но, как я уже сказал, талант – это заболевание и заразное. Не случайно когда-то вокруг МХАТа и Станиславского наплодилось множество талантливых людей. Вокруг Любимова наплодилось... В чем дело? А он заразный. Возник в Литве Някрошюс, и сразу все вокруг этого extraordinary таланта преобразилось. Тут же рядом возникли Туминас, Коршуновас... Подождите, еще кто-нибудь возникнет.

Беседовала НАТАЛЬЯ КАЗЬМИНА

Мы не имеем права потерять друг друга

Межрегиональная общественная организация «Общество грузин в России» приобрела довольно широкую известность. Ее знают и в Российской Федерации, и в Грузии. И среди простых людей, и на уровне верховной власти. А появилось общество в начале 1990-х годов, когда все раздвинулось, обособлялось, когда любое центристское движение многими воспринималось шагом «недемократическим». Нашлись тогда здравомыслящие люди, которым были совсем не безразличны многовековые традиции добрососедских отношений и дружбы между двумя народами.

Исторически сложившиеся дружественные, политические и государственные связи между Россией и Грузией, начало которым положено было еще в XI веке, обусловили установление между ними союзов во всех сферах государственной и общественной деятельности. Не менее тесными были связи между Русской и Грузинской православными церквями. Состоя на государственной и военной службе, занимаясь политикой, дипломатической деятельностью, наукой, культурой, искусством, грузины не одну сотню лет живут на территории России. Всем известны имена первого русского генерала фельдцейхмейстера царевича Александра Багратиона (друга и сподвижника Петра I), Петра Ивановича Багратиона полковника, Петра Романовича Багратиона (генерал-лейтенанта российской службы, положившего начало металлургическому процессу цианирования). Его именем назван открытый им же минерал багратионид, 12 генералов грузинского происхождения – героев Отечественной войны 1812 года, писателя Цертелева, князя П.Н. Грузинского (академика Академии художеств), А.П. Бородина – композитора, ученого-химика. В наше время это И. Андроников, З. Анджапаридзе, З. Соткилава, Б. Майсурадзе, Н. Ананишвили, Н. Цискаридзе, М. Касрашвили, Э. Вирсаладзе, М. Яшвили, Г. Данелия, Б. Окуджава, О. Басилашвили, К. Чонишвили, А. Геловани, Л. Бокерия, З. Церетели и другие.

«Нас было человек двадцать, единомышленников-грузин, давно живущих в России. Все люди известные – писатели, ученые, художники, артисты, – вспоминает о событиях начала девяностых инициатор создания Общества и его первый вице-президент профессор Северьян Алек-

сандрович Цагареишвили. – Перед нами стояла задача сохранения имевшихся в Москве известных грузинских памятников архитектуры и искусства. Это были материальные свидетельства многовековой российско-грузинской дружбы. И у всех нас болела душа, когда мы видели, как эти памятники ветшают, разрушаются и исчезают. Мы решили восстановить московскую церковь великомученика Георгия Победоносца в Грузинах, построенную еще 250 лет назад. В то время в стенах этого уникального храма находилось общежитие техникума. Мы обратились с коллективным письмом к президенту России, и нам удалось сохранить и восстановить эту церковь. Уже несколько лет там ведутся службы. После этого у нашей инициативной группы возникла идея создать общество, сохраняющее и пропагандирующее культурные традиции нашего народа и укрепляющее дружбу между Россией и Грузией. Мы считали и считаем, что если человек воспитывается на стыке нескольких культур, это огромное богатство. Тог-

На открытии мемориальной доски Д. Арсенишвили

да в мире всегда будут согласие и уважение людей друг к другу».

В сентябре 1992 года инициативная группа собрала организационный комитет, который принял решение учредить межрегиональную общественную организацию «Общество грузин в России». А в мае 1993 года Общество получило официальную регистрацию Министерства юстиции РФ. С тех пор эта общественная организация живет, работает и постоянно увеличивается. Вначале у нее не было даже своего собственного пристанища, потом была выделена крошечная комната в «Грузинском доме» на Арбате. Сейчас общество занимает более просторные апартаменты в том же доме. С момента основания Общества его возглавляет Ивери Варламович Прангишвили, директор Института проблем управления РАН, академик, вице-президент Международной инженерной академии.

Ведь деятельность «Общества грузин в России» преследует благородную цель – все делается для укрепления многовековой дружбы между Грузией и Россией.

Наши народы очень близки друг другу по духу и по вере. Мы имеем сходный менталитет и не должны, не имеем права потерять друг друга.

Большой объем работы в Обществе выполняют первый вице-президент Северьян Александрович Цагареишвили, Нона Антоновна Матуа и Карло Николаевич Чухрикидзе. Северьян Александрович человек заслуженный, он возглавляет Научно-исследовательский институт электрификации, академик, имеет 150 изобретений. Президент

Н. Матуа, М. Яшвили, С. Цагарейшвили

Российской Федерации В.В.Путин вручил ему награду «Заслуженный изобретатель России». В президиум Общества входят около 40 человек. Это очень ответственные люди: академики, ученые, редакторы журналов, деятели искусства.

«Общество грузин в России» объединяет более 350 тысяч грузин – граждан Российской Федерации в 35 отделениях в различных регионах. Все эти отделения объединены Уставом «Общества грузин в России».

«Общество грузин в России» стало соучредителем Международного комитета гражданской дипломатии, Международной постоянной миссии гражданской дипломатии по конфликту в Абхазии, Международной ассоциации дружбы, культурного и делового сотрудничества с Грузией, Конгресса национальных объединений России. Общество является также активным организатором ежегодных Международных форумов гражданской (народной) дипломатии в Москве.

Под эгидой Общества выходят книги, брошюры, буклеты. Выпущен подарочный комплект грампластинок «100 грузинских народных песен» в исполнении известного грузинского фольклорного ансамбля «Рустави».

При Обществе функционирует «Ассоциация врачей», куда входят медицинские работники – грузины: коренные москвичи и выходцы из Грузии, такие, как академики РАМН Лео Бокерия и Анзор Хубутия, профессора Владимир Гигаури, Джано Джибладзе, Нугзар Тогонидзе и др. Цель Ассоциации – оказывать посильную медицинскую помощь соотечественникам. Руководит Ассоциацией Зураб Пирцхалайшвили.

Молодежная секция Общества – «Древо желаний» – объединяет студентов, аспирантов и молодежь как граждан России, так и Грузии. Цели секции – сохранение национальных традиций и нравственных идеалов; изучение культурного наследия Грузии; укрепление дружбы между молодежью России и Грузии. Руководитель секции – член Президиума Общества Нона Матуа.

Создан молодежный интернациональный струнный оркестр под руководством народного артиста России Виктора Барсова. Дирижер – студент II курса Института им. М. Ипполитова-Иванова Нико Цихелашвили.

Комиссия по работе с молодежью курирует работу школ с этнокультурным грузинским компонентом. В Москве шесть таких школ. Две из них – государственные

общеобразовательные школы, где изучают грузинский язык, а также традиции, историю, культуру и литературу Грузии. Четыре образовательных учреждения – коммерческие гимназии и лицеи, где обучение идет на грузинском языке. Для молодежи Общество проводит лекции, вечера отдыха, встречи в посольстве Грузии с выдающимися людьми. Эти мероприятия проходят как на русском, так и на грузинском языке. У молодежи появилась традиция ухаживать за братскими могилами на Ваганьковском кладбище. При Обществе созданы курсы по изучению грузинского языка, читаются лекции по истории Грузии и Грузинской Православной Церкви.

С момента возникновения Обществу пришлось столкнуться с несвойственными такому объединению проблемами: оказывать поддержку десяткам тысяч вынужденных переселенцев из Абхазии и Южной Осетии, которых необходимо было одеть, накормить, лечить.

Обществом были переданы экспонаты Музею Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве: живописный портрет И. В. Сталина, подаренный Маврой Мегрелидзе и бронзовая скульптура П. И. Багратиона, выполненная членом Президиума Общества Амирасланом Дейсадзе.

18 мая 2001 года совместно с Музеем древнерусского искусства им. Андрея Рублева открыли мемориальную доску, посвященную памяти основателя и первого директора Музея Давида Арсенишвили.

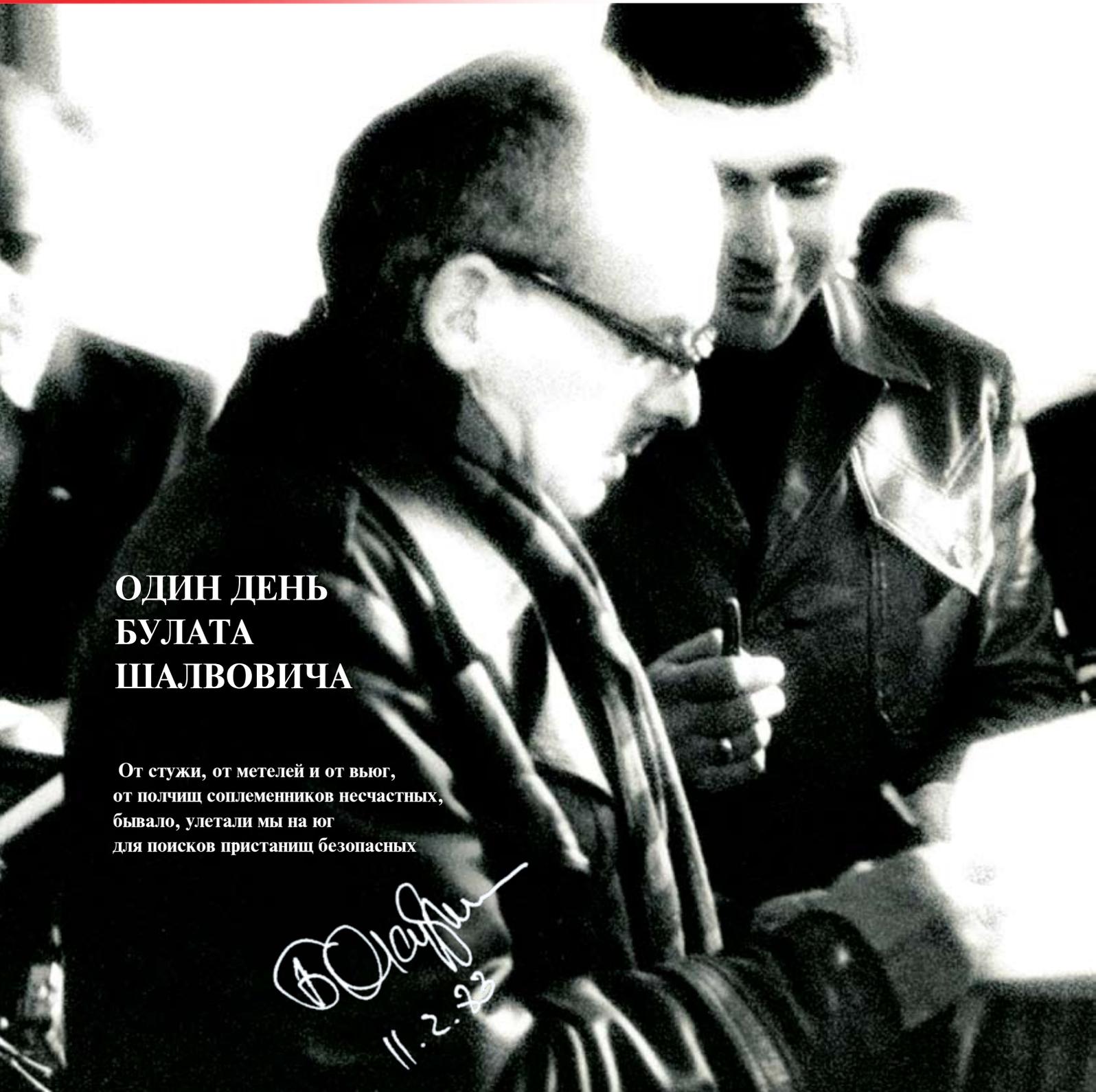
В Обществе стало традицией проведение новогодних елок с подарками для детей беженцев, вечеров «С Новым годом и Рождеством Христовым», вечеров русско-грузинской дружбы, творческих вечеров российских и грузинских писателей и поэтов, празднование Дня независимости Грузии, возложение 9 мая цветов на могилы солдат-защитников Москвы на Ваганьковском кладбище, среди которых покоятся 28 воинов-грузин.

Праздники фактически превращаются в вечера русско-грузинской дружбы. Причем приглашаются и представители многих московских диаспор. Обязательно гостями на вечере бывают ветераны Великой Отечественной войны. В последние годы проводятся вечера в Концертном зале имени П. И. Чайковского, который любезно предоставляет Правительство Москвы. В концертной программе принимают участие ведущие грузинские артисты, которые в это время находятся в российской столице. Они выступают совершенно бесплатно. Каждый грузин считает делом чести и своей святой обязанностью выступить в этот день перед соотечественниками. На таких вечерах рассказывается об успехах и заслугах наших соотечественников: кто из них с отличием окончил вуз или защитил диссертацию, кто получил премии и награды за успехи в науке, технике, политике или искусстве.

Телефон в офисе Общества звонит не умолкая. Посетители идут нескончаемой чередой.

Наряду со всеми выдающимися грузинами, членами «Общества грузин в России» являются совершеннолетние граждане России вне зависимости от национальной принадлежности и вероисповедания. В эту организацию хотят вступить все, кто хоть раз побывал в ее гостеприимных стенах. Здесь царит атмосфера душевного тепла и сердечности, которых так порой не хватает нам в жизни.

**АЛЛА БЕЖЕНЦЕВА (ТБИЛИСИ)
ВИКТОРИЯ БЕЛЬСКАЯ (МОСКВА)**

ОДИН ДЕНЬ БУЛАТА ШАЛВОВИЧА

От стужи, от метелей и от выюг,
от полчищ соплеменников несчастных,
бывало, улетали мы на юг
для поисков пристанищ безопасных

Булата Шалвовича
11.2.83

Это были не самые лучшие дни в его жизни. Январь и февраль 83-го, как и предыдущие долгие месяцы, давили грузом забот и сомнений, о которых не знали миллионы людей, живших его песнями, стихами, романами. Официальные “столпы” советской литературы, ее бдительные “кураторы из органов” продолжали уделять особое “внимание” тем, чьи имена были связаны с нашумевшим “Метрополем.” И он, один из авторов опального сборника, уехал из столь любимой им Мос-

квы - в другой, не менее родной город. Уехал в Тбилиси, на несколько дней. Но, как оказалось, не исключал вероятность того, что придется осесть здесь и на более длительный срок. **“Пока асфальт холодный топчем мы,/ все то же повторяя, как по ногам,/ он дожидается конца зимы/ и улетает со своим блокнотом/ туда, где дни, как вольные стрелки,/ чем безвозвратней - тем сильнее...”**

“В Грузии нашлись хорошие люди, предложившие мне пожить, сколько понадобится, а, может, и... доволь-

но долго”, - скажет он в редакции Грузинформа, куда буквально заманили его, не желавшего появляться на людях. Кавказ, Грузия, Тифлис более полутора веков традиционно были прибежищем для российских вольнодумцев. И те стремились к друзьям и единомышленникам, которым вольный дух горного края и щит Большого Кавказского хребта, дворянские кровь и фамильное состояние позволяли чувствовать себя в далекой провинции более вольготно, чем в удушливой атмосфере российских столиц. Поколения этих людей десятилетиями были рядом и со “смутьянами”, сосланными на Кавказ. Но туда не только ссылали, там добровольно искали если не спасения, то передышки. А для Булата Шалвовича Грузия - не просто край, в котором живут верные друзья. Это - родная ему страна, земля предков. Та самая земля, что уже приютила однажды двенадцатилетнего сына Арбата, когда в 37-м “взяли” его родителей. Земля, с которой он ушел на фронт и сюда вернулся после ранения, где встретился с возвратившейся из лагеря матерью и учился в университете... Здесь он чувствовал себя своим не только в семье двоюродного брата и многочисленных родственников, но и в десятках других семей - писателей, кинематографистов, художников, с которыми готов был стоять в обнимку на фоне Пушкина, и простых кахетинцев и сванов, с которыми в каждый приезд сводили его “свежий ветер ущелий и речек” и мангал, “пропахший зеленью, как духами, и шашлыками еще лютей”... **“И вижу: ба, знакомые все лица/ и речи, и грехи из года в год!/ В одежке, может, малая крупница/ нас различает - прочее не в счет!”**

Уговорить поэта на встречу с журналистами в те дни, когда он искал уединения, сумел директор Грузинформа Теймураз Степанов. Как это ни странно для того времени, официальное информационное агентство возглавлял не администратор и лизоблюд, а неординарный человек и талантливый журналист, все правильно понимающий и настоящий тбилисец. Именно он в феврале 83-го сообщил подчиненным, что “сверху” ему стало известно о приезде Булата Окуджава, который ни с кем не хочет встречаться, не даст ни одного выступления. И что он, Темо Степанов, почтет за честь встречу с поэтом - свою и своих сотрудников. И сделает все, чтобы эта встреча состоялась. **“И прежде, чем решать вопросы/ про сплетни, козни и доносы/ и расковыривать причины тайной мести,/ давайте-ка отложим это/ и углубимся в дух поэта ...”**

Уж не знаю, как Степанову удалось по телефону уговорить Булата Шалвовича. Известно лишь, что была обещана камерная, почти семейная обстановка, без журналистских попыток влезть в душу, без банальных вопросов. Во всяком случае, и собираясь на встречу, и по дороге из гостиницы в редакцию, Окуджава несколько раз переспросил, действительно ли это будет беседа в узком кругу - уж очень не хотелось идти. Но коль пообещал... Да и у жены, Оли, прорвалась фраза о том, что встреча может быть ему на пользу. Хотя она явно была озабочена другим - простудой мужа. Да, вдобавок ко всему, он был еще и простужен. И в толстом кашне, пушистым калачиком свернувшимся над чуть великоватым кожаным пальто, напоминал на пронизывающем февральском ветру нахохлившуюся птицу - то ли неза-

висимого воробья, то ли ненадолго притихшего дрозда. Эта ассоциация стала особенно шемящей, когда они с Олей приостановились у спуска улицы Грибоедова на проспект Руставели - на том самом месте, где нелепо и неожиданно погиб “певчий дрозд” - герой другого большого поэта, поэта от кино Отара Иоселиани. Сейчас он снимает фильмы вдали от родины, во Франции. И в недавнем телеинтервью признался, почему его не тянет в Москву: “Там уже нет Булата. А без него это - совсем другой город”. А в 1971-м он ворвался в большой кинематограф лентой “Жил певчий дрозд” - о бескорыстном и непрактичном, беззаветно влюбленном в Тбилиси музыканте. О человеке, столь схожем и с самим Окуджава, и с его лирическими героями - восприятием любимого города, людей, жизненных ценностей. **“...и друзей созову, на любовь свое сердце настрою,/ А иначе зачем на земле этой вечной живу”**.”

На том месте, где погиб “певчий дрозд” в очередной погоне не за деньгами - за надеждой, не очень понятной остальным - Оля, поправляя мужу кашне, сетовала, что не смогла купить термометр и носовые платки. Именно они были тогда в Тбилиси очередным дефицитом.

По дороге в редакцию пришлось неоднократно взять грех на душу, в очередной раз заверяя Булата Шалвовича, что на встрече будет немногочленно. И это при том, что просторный директорский кабинет был уже заполнен до отказа не только грузинформовцами, но и людьми из других редакций - слух о том, что “к нам придет Окуджава”, моментально разнесся по всем пяти этажам. Мы не хотели обманывать гостя и действительно готовились к встрече в узком кругу. Но как сказать “нет” людям, стремившимся в первой половине 80-х встретиться с Окуджава? ...Разгар “застоя”. Все реже звучат гитары 60-х - 70х годов. Не получив официальное “добро”, с хрипящих магнитофонных лент пробиваются к слушателям Высоцкий, Галич, Окуджава, Визбор, Ким, их соратники по цеху. **“Поэтов травили, ловили/ на слово, им сети плели; куражась, корнали им крылья,/ бывало, и к стенке вели.../ В почете, и все ж на учете/, и признаны, но до поры.../ Вот вы с ними рядом живете, а были вы с ними добры?”**

Неловкость от создавшейся ситуации поначалу нависла над собравшимися - уж больно велико было несоответствие между настроением поэта и тех, кто его ждал. Уже выйдя из лифта, он невольно сделал шаг назад, увидев, что предстоит по живому коридору пробираться ко входу в кабинет. А там - люди, толпящиеся в дверях, диктофон на столе - явно ждущий откровений... Вот тогда-то, немного растерянно начав с того, что он не ждал такой аудитории, Булат Шалвович сообщил в ответ на первый, традиционный вопрос - о цели приезда в Грузию - что здесь нашлись добрые люди, готовые предоставить ему возможность пожить, сколько понадобится. Говорил он медленно, тщательно обдумывая слова. И было видно, что тема эта - довольно щекотлива в столь разношерстной, да к тому же журналистской компании. Что его внутренний дискомфорт вызван различными причинами. И что предложение осесть в Грузии сделано на очень высоком уровне. Но прозвучала последняя фраза: “Не знаю, придется ли воспользоваться этим, но я благодарен уже за то, что такое предложение было

сделано”, и атмосфера встречи чудесным образом стала меняться. То ли искренность этих слов стала довлеть над недосказанностью. То ли он почувствовал, сколь интересен собравшимся, ощутил их стремление понять, чем он живет, что его волнует. А может, просто воздух Тифлиса, пронизанный человечностью и откровенностью, пробился сквозь запотевшие стекла, как всегда, сотворив маленькое чудо. На этот раз - чудо сопричастности друг другу. **“И вот тогда/ (сто раз увидев это)/ о, может быть и сам я стану вновь/ сентиментален, как его рассветы, и откровенен, как его любовь”.**

Каждый его ответ был не только ответом - он непросто становился мини-рассказом. Может, ему надо было выговориться? Уже не имела для него значения вторая древнейшая профессия собравшихся, словно исчез со стола, растворился диктофон. Поэт просто разговаривал с единомышленниками. И мозаика вырвавшихся откровений складывала перед слушающими камень, лежавший у него на душе. Правда, ни слова не было сказано о камнях подводных, подкладываемых официальными “инстанциями”. Он говорил лишь о субъективном. О том, что не хочет больше писать песен (и чувствовалось: жесткость наступившего времени чужда музе, направлявшей до сих пор его лирику). О том, что будет отныне всерьез заниматься лишь прозой как большой литературой (и ощущалось: ему больно, что кое-кто не видит настоящего литературства в сочинительстве песен). О том, что более всего его привлекают сейчас исторические темы (и понималось: история нужна ему, чтобы не только еще раз осмыслить абсурдность происходящего в отчизне любезной, но и вновь воспеть непреходящие общечеловеческие ценности). И о том, что сейчас ему необходимо многое обдумать, оценить, но для этого нужно время, а главное произведение его жизни еще не написано (и было видно: он боится не успеть сказать это главное). **“Но ты, моя Фортуна, будь добра,/ не выпускай моей руки несчастной...”**

Нет, он, конечно, не жаловался, о многом не говорил в лоб. Но цепочка забот и сомнений тянулась и из рассказа о работе над “Путешествием дилетантов” и “Свиданием с Бонапартом”, и из попыток поделиться планами на будущее, и из четких формулировок жизненного

кредо. А потом он вдруг заизвинялся, заторопился - короткий день стремительно превращался в ранний вечер, а у него была еще одна встреча, сугубо личная. Но еще долго он не мог войти в лифт - соглашался на очередную пару автографов, не отказывался сфотографироваться на память, узнавал поседевшего однокурсника... Этот человек в лихо распахнутом пальто так отличался от того, сгорбившегося, поверх подбородка укутанного в кашне, который с явной неохотой появился здесь пару часов назад! У него потептели глаза - явный признак того, что теплее стало и сердцу. И это - пожалуй, главный итог импровизированной встречи. Каждый ее участник ощущал то же, не замечая, что на лестничной клетке прохватывает почти, как на улице. И лишь когда бдительная Оля решительно поправила на нем шарф, он, окончательно распрощавшись, как со старыми добрыми знакомыми, ушел на резкий ветер - к своим заботам. И снова стал похож на птицу - нахохлившуюся, простуженную. Как там у Вероники Долиной - в невольном грустном пророчестве песни 25-летней давности? - “Не пускайте поэта в Париж - он поедет, простудится, ляжет”... **“Париж для того, чтоб ходить по нему,/ глядеть на него, изумляться,/ грозящему бездной концу своему/ не верить и жить не бояться”.**

Все дальше в прошлое уходит тот день 1983-го. Но иногда кажется: он более реален, чем многое, происшедшее после. Иным стал поэт в последние годы жизни. К счастью, он не выполнил то, давнее намерение - не бросил поэзию. Хотя песен писал мало. Но были новые и новые стихи, рожденные уже другой музыкой - более требовательной к окружающему миру, ищущей моральной опоры. Стихи с явным привкусом горечи. **“Ничего, что поздняя поверка. / Все, что заработал, то твое. / Жалко лишь, что родина померкла, / что бы там не пели про нее”.**

А еще появилось много стихов, посвященных его уехавшим за кордон друзьям. Как потом оказалось, - и нашим друзьям, которые тогда, в редакции слушали поэта. Разъехавшись по миру, они увезли с собой бумажного солдата и последний троллейбус, Ленку Королева и прогуливающихся фраеров. Обустраиваясь на новых местах, они ставили на книжные полки тоненькие поэтические сборники, привезенные с собой, и новые - купленные в магазинах “Русская книга”. **“Что у вас среди тех дерев, / под стеною белой храма? / Как горите - вдохновенно или так, по мере сил? / Я не знаю, где точней и страшнее наша драма, / и вернетесь ли обратно, я не знаю. Не спросил”.**

Нет уже многих из тех журналистов, что на снимке рядом с поэтом. Нет Темо Степанова, умершего вдали от родного города и завещавшего друзьям похоронить его в Тбилиси. Нет Юрия Мосешвили, нет Рэма Давыдова... И сам Тбилиси стал иным - не таким беспечным и благодушным, немало пережившим и много осознавшим. И ностальгически вспоминаям далекое годы, навечно впечатанные в сознание Булата Шалвовича: **“Там мальчишки гуляют, фасоня, / по августу, плавают в нем,/ и пахнет песнями и фасолью, / красной солью и красным вином. / Перед чинарою голубою/ поет Тинатин в окне, / и моя юность с моей любовью/ перемешивается во мне”.**

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

Я ПРОСТО СЛАГАЮ СЛОВА...

Есть Человек – его мысли, чувства. Они выливаются в слова, а те в свою очередь ложатся на музыку. И рождается песня. Она звучит и вызывает к жизни новые мысли и чувства тех, кто прислушался и услышал.

«Это было задолго до войны... Я жил у тети в Тбилиси. Мне было двенадцать лет. Как почти все в детстве и отрочестве, я пописывал стихи. Каждое стихотворение казалось мне замечательным. Я всякий раз читал вновь написанное дяде и тете... Тетя кричала дяде: «Он гений!» Дядя радостно соглашался: «... Настоящий гений!»

И это ведь все в моем присутствии, и у меня кружилась голова». Так все начиналось. Сегодня прозу Булата Шалвовича Окуджава читают, песни слушают и поют. Поют в тесном семейном кругу, в походах у костра, на «слетах» и фестивалях в его честь, в Доме-музее в Переделкино.

«Мелодия, как дождь случайный,
гремит; и бродит меж людьми...»

Выпуская «Песни под гитару», Андрей Макаревич писал: «Есть вещи, которые хочется сказать негромко и от себя лично. Может быть, дело в том, что Окуджава я услышал на десять лет раньше, чем «Битлз»... Тихой музыки и тихих слов остается вокруг нас все меньше. А жаль...» Они самые искренние, идущие от сердца.

Пишу как дышу – по завету Булата. В висках пульсируют строчки:

«Судьба и перо по бумаге шурша
Стараются, лезут из кожи...»

Это вновь Она – «Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...» Связь неразрывна.

«Какая же все-таки сила скрыта в тех, кто испытан войной!» – это Юлия Друнина.

«...Семнадцати лет ... добровольно ушел на фронт... Я был очень смешной солдат. И, наверное, толку от меня было немножко... – я очень боялся фронта...»

Шла война. Я многое узнал и увидел... И еще узнал, что все, кто были со мной, они тоже боялись... Все боялись...

Первые мои стихи были на военную тему... Из них получились песни... Это были в основном грустные песни... Потому что, я вам скажу, ничего веселого в войне нет».

Подлая, она заставила многих мальчишек задуматься над бесконечными «почему» раньше срока. Война преподавала урок – не делать запасов из любви и доброты.

Этот урок Булат запомнил и воплотил в творчество.

«Поэты плачут – нация жива». Как пронзительны слова, адресованные Галактиону, да и не только ему. Им вторят «Размышления у дома, в котором жил Тишан Табилдзе»:

«Берегите нас, поэтов, от дурацких рук, От нелепых приговоров, от слепых подруг... Берегите нас, покуда можно убежать...»

Ведь если уходит Поэт, на его место приходят невосполнимая пустота и страшный холод. Ей Богу – «чтоб не пропасть по одиночке...»

Его песни – добрые спутники в «дальней дороге», имя которой Жизнь. «Среди совсем чужих пиров и слишком ненадежных истин» они не дают сбиться с пути.

Подчас, не ведая, что творим, задумываемся: «Куда идем?!» И в ответ: «Господи, Твоя власть... Дай же Ты каждому...»

Религией Окуджава была поэзия.

«Он жизнь любил не скупой...» Наивность доброты находим в жизни «на клеенке» Пиросмани. Она же в лирике Окуджава. И в этом их сила.

«Что происходит с нами, Когда мы смотрим сны?» – своего рода метаморфоза, открывающая иные краски мира. Образы барда – музыкальная живопись: «красный дуб с голубыми рогами», «ель словно Спас на крови», «простой романс сверчка», «неба свет целебный» и «шар земной, вскрикнувший на повороте»... Мозаика эта бессмертна, она – в Вечности. Всю жизнь напролет он дарил вечно.

«Вы рисуйте, вы рисуйте, вам зачтется!...»

Окуджава рисовал хрупкость нашей планеты – беззащитной, как у Маленького принца. И жители Земли у него грустные. Но «пока еще хватает времени и огня» нужно верить – «самое прекрасное в окошко постучится».

«Человек стремится в простоту через высоту...»

Эрнст Неизвестный как-то сказал: «В своих песнях он был философом. Булат даже внешне походил на Ганди».

«Песенка короткая, как жизнь сама» и мудрые слова «из копилки» слышны и в XXI веке.

Слышите «Грузинскую песню»? «На самом деле не совсем грузинская песня, но она смыкается по символике с грузинским фольклором, и я ее так назвал...»

Виноградная косточка у каждого своя. Рано или поздно она должна упасть в землю и взрасти.

Как искусный часовщик он «настраивал» сердца поколений. Учил и наставлял:

«Не запирайте вашу дверь,
Пусть будет дверь открыта...»

Нет уже синих московских троллейбусов, уютных дворинок с «окошками, где музыка слышна», нет той Москвы – эпоха отступила. «Радость и беда» поэта остались в «отечестве» со странным названием Арбат. Ушел Маэстро... Но «тянется струн переключка».

снова мы будем подпевать его песням о Прекрасном на Земле, которая еще вертится. И, может, напишем свой маленький роман. Главное – «не расставайтесь с Надеждой!»

АЛЕНА ДЕНЯГА

БАТУМ, ИЛИ ТРИ ПОПЫТКИ ПОБЕДИТЬ СУДЬБУ

Михаил Булгаков в Грузии

Больной с Е. Шиловской

Окончание

Второй раз Булгаков приезжает в Грузию в апреле 1928 года. «Предполагалось, что М.А. будет вести переговоры с Русским драматическим театром о постановке «Зойкиной квартиры». Это – цитата из воспоминаний второй жены писателя Любови Белозерской. Сам Михаил Афанасьевич не оставил никаких записей об этом эпизоде своей жизни. Поэтому комментировать его пребывание в грузинской и аджарской столицах будет именно Любовь Евгеньевна. Примечательно, что Тбилиси был одним из немногих городов, в которых печатались произведения Булгакова. Газета «Заря Востока» опубликовала в августе 1924 года рассказ «Таракан», в ноябре перепечатала из киевской газеты «Шквал» отрывок из романа «Белая гвардия» «Конец Петлюры». А затем Тифлис оказался в числе 8-ми периферийных городов, в которых разрешили ставить «Зойкину квартиру». И эта пьеса в сезоне 1926-27 годов шла в Тифлисском рабочем театре. Правда, затем ее сняли и именно на переговоры о ее возобновлении Булгаков отправился в этот театр, который его жена называет «Русским драматическим». Тем более, что там собирались ставить и «Бег».

В общем, Михаилу Афанасьевичу, уже прославившемуся на всю страну «Днями Турбиных», «загорелось ехать на юг, сначала в Тифлис, а потом через Батум на Зеленый Мыс». В Тбилиси его с женой встречает зна-

комая по Владикавказу Ольга Туркул, у которой Булгаковы проводят ночь, а затем переселяются в гостиницу «Ориант» на проспекте Руставели. Позже эта гостиница стала «Интуристом», затем – Домом художника и зимой 1991-92 годов сгорела в огне короткой тбилисской войны. А тогда писатель с женой спали в ней с открытыми окнами (в апреле москвичам это казалось чудом), из которых восхищались городом, который «поздним вечером очень красив и загадочен».

После встречи с руководителем театра Владимиром Швейцером (Пессимистом), его женой – актрисой на главных ролях и актерами труппы все отправляются в ресторан «Симпатия». Подвальчик этот под разными названиями дожил до наших дней на Пушкинской улице, 15. А в то время его «тускло-золотистые стены были расписаны портретами: Пушкин, Лермонтов, Горький (так и написано), все в медальонах из виноградных гроздьев и все на одно лицо сильно грузинского типа. За стойкой, заставленной национальными закусками... стоял такой же черноусый грузин, как Пушкин, Лермонтов, Горький. «Чисто тбилисский колорит поразил Булгаковых не только 5-часовым застольем, но и ссорой за соседним столом: «...Двое вскочили, что-то гортанно крича, сбросили пиджаки на край маленького водоема, где плавали любимые грузинские рыбки и...я закрыла глаза, чтобы не видеть поножовщины, а когда открыла

их, оба сидели за столом и мирно чокались своим излюбленным кахетинским».

Вообще, в Тбилиси им было хорошо: «Купаемся в солнце. Купаемся в серных банях». Они ходили по городу пешком, «покатались вволю» на нанятой машине, побывали в театре на «Ревизоре». «Недалеко от нас в ложе сидела пожилая грузинка в национальном наряде... Все в Тифлисе знали эту женщину – мать Сталина». Было и очень приятное знакомство, переросшее в многолетнюю дружбу – с «Марикой Чимишкиан, полуфранцуженкой-полуармянкой, молодой и очень хорошенькой девушкой, которая потом много лет была связана с нашей семьей». Здесь можно забежать на год вперед и сказать, что именно в московском доме Булгаковых тбилисская красавица Марика Артемьевна Чимишкиан познакомилась с литературным критиком и сценаристом Сергеем Ермолинским. И потом вышла замуж за этого человека, которого считают прототипом застройщика Алоизия Могарыча из «Мастера и Маргариты». Кстати, комнату для Марики он снял в деревянном доме в Мансуровском переулке – одном из прототипов дома Мастера. Любовь Белозерская очень недолго любила Ермолинского и подчеркивала, что в своих воспоминаниях он «походя упомянул о Марике, как об «очень милой девушке из Тбилиси», не удостоив (это после двадцати-то семи лет совместной жизни!) даже назвать ее своей бывшей женой». А до своего замужества Марика Артемьевна приумножила тбилиское присутствие в доме Булгаковых, познакомив их со своей приехавшей из Грузии подругой – Кирой Андроникашвили, сестрой кинозвезды Нато Вачнадзе.

Но все это будет после. А в 28-м пребывание Михаила Афанасьевича в Тифлисе омрачил лишь один эпизод. Писатель отказался идти в кино и остался в номере гостиницы, ключ от которого забрала его жена, «заперев собирающегося спать Маку». После кино они с подругой задержались, а подходя к «Орианту», увидели невероятную суматоху: «Пароконные извозчики, стоящие вереницей у гостиницы, весело перекликивались и поглядывали на одно из окон». Именно из этого окна, «до предела высунувшись» взъерошенный Булгаков закричал: «Не ожидал от тебя этого, Любаша!» Накинулся на нее и коридорный: «...Зачем ключ унесла? Он такой злой, такой злой. Ключ требует...Ногами стучит». Выяснилось, что запасного ключа нет, но Белозерская, все же, «грех» свой замолила».

Когда стало ясно, что «Зойкину квартиру» в Русском драматическом не поставят, Булгаковы отправляются в Батуми. «Это удивительно, до чего он любил Кавказское побережье – Батуми, Махинджаури, Цихисдзири, но особенно Зеленый Мыс, – удивляется Любовь Евгеньевна, – хотя, если судить по «Запискам на манжетах», большой радости там в своих странствиях он не испытывал... Зеленый Мыс у него упоминается также в пьесе «Адам и Ева». Герой и героиня мечтают стряхнуть с себя все городские заботы и на полтора месяца отправиться в свадебное путешествие на Зеленый Мыс». Булгаковы тоже стряхивают с себя все городские заботы. Живут в пансионате на бывшей вилле князей Барятинских, наслаждаются непривычными красотами. Михаил Афанасьевич не любил дальние прогулки, но в знаменитый

Ботанический сад повел жену на второй день после приезда. Их умиляет, что к ним прибивается «симпатичный рыжий пес, совсем не бездомный, а просто, видимо любящий компанию. Он привел нас к воротам Ботанического сада. С нами вошел, шел впереди, изредка оглядываясь и, если надо, нас поджидая...Осмотрев сад, мы все трое вышли в другие ворота». Даже пес на этой земле был компанейским и дружелюбным! И в его честь Булгаковы даже переходят на поэзию: «Человек туда идет,/ Куда пес его ведет». Словом, несмотря на неудачу с постановкой пьесы, второй приезд в Грузию стал для Булгакова лучом света в том «темном царстве» нападок, препон, злобы, из которого он ненадолго вырвался, и которое вновь ждало его в Москве. Не случайно, любящая его женщина свидетельствует: «Стоит посмотреть

М. Булгаков

на фотографию М.А., снятую на Зеленом Мысе, и сразу станет ясно, что был он тогда спокоен и весел». От себя добавим: таких дней в его жизни было, ох, как мало!

Но на этом надежды Булгакова увидеть свои пьесы на грузинской сцене все в том же году не заканчиваются. Практически никто из биографов писателя не упоминает еще один его приезд в Тбилиси. Оно и понятно – литературоведы ориентировались на русскоязычные

Гостиница «Ориент»

источники. Но тбилисская исследовательница его творчества, доктор филологических наук, профессор Мзия Микадзе отыскала информацию в грузинской газете «Коммунисти» за середину октября 1928 года. В ней сообщается, что «в Тбилиси приехал известный русский писатель Михаил Булгаков». То было время, когда московскому Камерному театру неожиданно разрешили постановку «Багрового острова» и два ленинградских театра тоже заинтересовались этой пьесой. Надо было дать им ответ, и ответ этот поступил именно из Тифлиса. Писатель послал жене телеграмму с указаниями, добавив: «Предложения театров телеграфировать мне». Причина того, что Булгаков в столь важный для судьбы своих пьес период оказался в Грузии, может быть лишь одна. Известно, что в 28-м году его пьесы собирались ставить на грузинской сцене, так что, он посчитал свое присутствие в Тбилиси необходимым. Увы, все кончилось неудачей. В очередной раз.

С годами таких разов становится все больше. Противостояние цензуре и литературным недругам изматывает писателя. Ему снова хочется вырваться за границу. Хотя бы на отдых. У многих известных литераторов проблем с этим не было. Правда, их, по возвращении, репрессировали. А вот Булгакова не трогали, но выезд запрещали. В 1934 году его с третьей женой Еленой Шиловской уже было вызвали получать загранпаспорта, но показательно вручили заветные документы всем мхатовцам, кроме них. На улице Булгакову стало плохо. Не помогло и очередное письмо Сталину, писать которому вошло у Михаила Афанасьевича в привычку. Вот уж, во-

истину «никогда ни о чем не просите, особенно тех, кто сильнее вас». Но Булгаков не оставляет попыток. «Сообщаю тебе, что я подал заявление в Иностраный Отдел Московского Областного Исполкома о выдаче мне разрешения на поездку с женой за границу. Я мечтаю о том, чтобы хотя короткое время провести где-нибудь на курорте у моря, так я безмерно утомлен», - пишет он брату Николаю в 1935 году. А через полтора месяца: «...В предыдущем я сообщал тебе о том, что подал заявление о разрешении мне заграничной поездки. К сожалению, мне в этом отказано».

Что ж, если выезд не дают, мечта побывать «где-нибудь на курорте, у моря» воплощается на Черноморском побережье Грузии. Август 1936-го Булгаковы проводят в Сухуми, в санатории «Синоп». И вскоре после приезда Михаил Афанасьевич пишет другу Якову Леонтьеву: «... Чувствую, что бедная моя голова отдохнула. Начинаю беседовать с друзьями, о которых вспоминаю с нежностью... «Синоп» - прекрасная гостиница. Отдохнуть здесь можно очень хорошо. Парк. Биллиард. Балконы. Море близко. Просторно. Чисто... Не нравится здесь немногим... Люся чувствует себя хорошо, чему я очень рад. Наша жизнь трудная, и я счастлив буду, если она наберется здесь сил. Первое время я ничего не читал, старался ни о чем не думать, все забыть, а теперь взялся за перевод «Виндзорских» для МХАТа... Ах, дорогой Яков Леонтьевич, что-то будет со мною осенью? К гадалке пойти, что ли?.. Мы собираемся выехать отсюда 27-28 VII-го через Тифлис-Владикавказ...» К сожалению, курортную идиллию прерывают все те же московские напасти. Приезжает режиссер МХАТа Николай Горча-

ков - уговаривает дописать новые картины к пьесе «Мольер» и требует, чтобы перевод шекспировских «Виндзорских проказниц» делался по его указаниям. Булгаков в ответ: «Запятой не переставлю». Но творческая атмосфера у моря уже испорчена, и Михаил Афанасьевич с женой покидают Сухуми. В Москву они возвращаются проездом через Тбилиси, но сведений, о том, что делал там Булгаков, нет. Скорее всего, ни о каких театральные делах и речи не было - московское давление на писателя было печальным примером для всей страны.

Больше Булгаков в Грузии не бывал. Но столь любимый мистическим писателем грузинский город мистически сыграл в его жизни решающую роль, воплотившись в пьесу под одноименным названием - «Батум». Дважды Булгаков приезжал в Батуми в переломные моменты своей биографии, в отчаянных попытках победить судьбу. В первый приезд этот город помог ему сделать выбор и остаться на родине, во второй - дал жизненно важную передышку и окрылил надеждами на то, что все передрыги утрясутся. В третий раз Булгаков побывал в нем мысленно, работая над пьесой о молодости Сталина. Если бы этот третий - виртуальный приезд закончился успешно, будущее Михаила Афанасьевича было бы совсем иным: его произведения появились бы во всех театрах и стали бы издаваться огромными тиражами, его показательно зауважали бы в литературных кругах и позволили бы выезжать за границу...

Пьеса «Батум» «идеологически выдержана», но драматургически сильна и написана искренне. «В отношении к генсекретарю возможно только одно - правда, и серьезная», - утверждал Булгаков в одном писем еще 1931 года. Сталин отлично видел достоинства пьесы, но запретил ее, разглядев нечто такое, чего не предусмотрели ни автор, ни заказавшие ему пьесу мхатовцы. Булгаков написал о раннем - тифлисском и батумском - шестилетнем пе-

риоде жизни Сталина, который тот сам называл периодом «ученичества». Вместо могущественного «вождя народов» был молодой романтичный герой, сражающийся не столько за революционные, сколько за общечеловеческие идеалы. При этом автор ставил его в выдуманные положения и заставлял говорить выдуманные слова. А к святому нельзя прикасаться несанкционированными литературными домыслами. Молодой Сталин был похож на любого другого молодого революционера, а великий вождь должен быть уникален в любом возрасте.

К тому же, в те страшные годы репрессий зритель мог задуматься о том, почему человек, борющийся с насилием власти, сам стал жесточайшим деспотом. Ну а самым главным может быть то, что Булгаков случайно прикоснулся к страшной тайне Сталина. Он, конечно же, не мог знать, что, спустя десятилетия, историк З. Серебрякова обнаружит в архивах документ, который «каким-то чудом сохранился и.. дает основание считать доказанной связь Сталина с царской охранкой» (Серебрякова З. Сталин и царская охранка. - Совершенно секретно, 1990, с. 21). Но Булгаков невольно наступил на самую болезненную мозоль вождя. Подозрения о связях Сталина с царской охранкой уже тогда высказывали и бывшие политкаторжане, и зарубежная пресса. Основания для этого давали частые и удачные побеги Джугашвили из ссылки, провалы связанных с ним подпольных организаций. А в поле зрения Булгакова оказалась одна из самых загадочных страниц жизни молодого Сталина: героя пьесы отправляют в первую ссылку, из которой он возвращается уже иным человеком. И какой ценой оплачено это возвращение, неясно. Лишь того, что пьеса задевает темное место в сталинской биографии, было вполне достаточно, чтобы запретить ее без каких-либо официальных объяснений.

Как бы то ни было, Сталин высказался дважды. Сначала: «Пьесу «Батум» считаю очень хорошей, но ее нельзя ставить». Потом: «Все дети и все молодые люди одинаковы. Не надо ставить пьесу о молодом Сталине»... А театры уже ждали булгаковскую пьесу о вожде. Во МХАТе распределялись роли и обсуждались костюмы. И лишь у самого Булгакова было дурное предчувствие. Которое, увы, сбылось. Пьесу отсылают в секретариат Сталина, и 14 августа 1939 года мхатовцы вместе с Булгаковыми отправляются в Батуми и Тбилиси. Для постановки надо было ознакомиться с местами действия, собрать грузинский фольклор, сделать наброски пейзажей для декораций и т.д. Удивительно, что Булгаков ехать не хотел. Его впервые не влекло в Грузию, уже не раз решавшую его судьбу. И «Батум» сыграл иную роль, чем Батуми... Елена Сергеевна устроила банкет прямо в купе, а через два часа, на остановке в Серпухове принесли телеграмму от директора МХАТа: «Надобность поездки отпала возвращайтесь в Москву». «Батум» получил резко отрицательный отзыв.

Несостоявшаяся поездка в Грузию добивает Булгакова. Жить ему остается чуть более полугодя. Случившееся он воспринял как прилюдную пощечину, как крушение всех планов и надежд. От морального потрясения обострилась наследственная почечная гипертония - нефросклероз. Писатель старается оправиться от страшного удара, едет с женой отдохнуть в Ленинград, но там болезнь обостряется и вынуждает вернуться в Москву. 10 марта 1940 года Михаил Афанасьевич умирает. И в последние дни жизни рядом с ними было прекрасное воспоминание о солнечных днях в Грузии - Марика Чимишкиан. Та самая «очень милая девушка из Тбилиси». Которой, как пишет Любовь Белозерская, «выпала печальная доля дежурить у постели умирающего писателя Булгакова в качестве сестры милосердия и друга...»

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

М. Чимишкиан

ПРИТЯЖЕНИЕ МЫСЛИ

Мои появления в местных тбилисских литературных кружках полусамодельного толка носили в то время эпизодический характер. Что-то было интересно, что-то вызывало вполне понятное для филолога раздражение. Интерес вызывали люди, а раздражало, скорее всего, отсутствие того уровня, который может претендовать на профессиональный. Но именно тогда, после очередного заседания очередного общества, судьба столкнула меня с Михаилом Ляшенко и Анной Шахназаровой, вскоре в руки попал и первый номер журнала «АБГ»...

Ошеломления не было, было удивление: поэтический, на русском, хорошие стихи, солидный экскурс в тбилисское литературное прошлое, причем в ту его часть, что стала почти легендой, среди имен больше

М. Ляшенко

А. Шахназарова

незнакомые и, в то же время – компактное, черно-белое издание, без намека на роскошь, но и без привкуса «доморощенности».

Сегодня, по прошествии уже пяти лет, мы снова вернемся к тем, не слишком отдаленным, но вполне судьбоопределяющим годам и, сидя за небольшим столом в уютной гостиной, будем вспоминать... Вопросы буду задавать я, но беседа так и не станет ни формальной, ни официальной – такие уж люди: с ними

всегда и всем бывает хорошо... Но, удивительное дело, раскованные и ярко мыслящие на страницах своего издания, в жизни они не очень любят говорить о себе, поэтому, полагаясь более на интуицию, я выстраиваю свою версию их жизни и творчества, а сами они пусть так и останутся немного загадкой...

Конечно, мой первый вопрос – о том, как все началось...

Михаил Ляшенко, соредактор, оформитель и идейный вдохновитель журнала «АБГ»: – Наша дружба с Анной длится со школьной скамьи, но в 90-е годы уже ушедшего века мы внезапно обнаружили, что наш обоюдный пристальный интерес к литературе (Анна ведь – филолог) может быть реализован в нечто конкретное, так как не существует больше цензурных и иных запретов, просто – можно все: издавать журналы, печатать книги, копаться в библиотечных архивах...

– Так вы и сделали?

Анна Шахназарова: – Сначала мы занялись изданием поэтического сборника самого Михаила, отбором и подготовкой материала. Он сам – профессиональный художник. Сборник «Из 5-ти неизданных книг» (автор и оформитель – Михаил Ляшенко, редактор Анна Шахназарова – Е. Ч.) выпущен в 2000 году. Затем, уже в 2001-м вышел первый номер «АБГ».

– Вот с этого момента необходимы уже подробности. Наверное, стоит обратиться к предисловию первого номера. Вы пишете, что ваш журнал «попытка составить

и показать картину, скорее всего мозаичную, русскоязычной «изящной словесности», сложившуюся в Тбилиси. ... Мы постараемся заполнить некоторые белые пятна на нашем недавнем и более отдаленном литературном прошлом, вспомнить почти забытых, а то и вовсе неизвестных поэтов, работавших в Тбилиси».

М. Л.: – Но, кроме этого, была сверхзадача – продлить существование русскоязычной реальности в Грузии, дать площадку пишущим (а пишут в основном, как выяснилось, стихами) и дать возможность

продлиться русско-грузинским литературным взаимоотношениям. Они всегда стояли на весьма высоком уровне, более того, трудно найти какие-либо аналоги и этим взаимоотношениям в мировом литературном процессе.

Сложившаяся к тому времени ситуация побуждала к действию: очень любимый нами журнал «Литературная Грузия», некогда ежемесячный, тогда выходил с заметными перебоями и текущего процесса не мог отра-

зять; перепрофилировавшийся в первой половине 90-х журнал «Русское слово» тоже переживал трудности, альманахи «Дом под чинарами» и «Кавкасион» вовсе исчезли. К тому же и традиция морально обязывала, ведь Грузия была, начиная с XIX века, своеобразной литературной Меккой для русских поэтов. И это было обоюдополезно.

Новой реальностью стало и возникновение нового зарубежья, в котором мы и все постсоветское литературное пространство автоматически оказались, и этот факт побуждал соответствовать вновь сложившейся ситуации. Нам сразу захотелось расширить рамки издания, охватить все Закавказье. Осуществили номер по Армении, завершается верстка номера по Азербайджану...

А. Ш.: - Занимаясь библиотечными архивами, заметили, что о тбилисском поэтическом модернизме и авангарде, относящемся к запретному прежде периоду 1917 - 1921 гг. редко, но все-таки пишут, а об аналогичном бакинском периоде просто нет ничего. Кроме того, в исследованиях по этому предмету нигде не приводятся авторские тексты, т.е. отсутствуют сами реалии, то, что интереснее всего. Например, что называется, «культовый» альманах «Фантастический кабачок. Мельникова С.Г.», весьма, как считают специалисты, заметно повлиявший на картину всего европейского книжного дизайна XX века. Об этой книге написаны исследования, но найти тексты, в ней опубликованные, в одних случаях весьма проблематично, в других - просто невозможно. В нашем же четвертом выпуске они обильно и компактно представлены. Хотелось, чтобы все это было прочитано сегодня. Потом, нас побуждало чувство ответственности, долга, что ли, перед авторами нашего времени, с которыми мы знакомились и продолжаем знакомиться. Хочется предоставить и им слово, многих мы уже опубликовали. С первого выпуска мы открыли рубрику «Наше зарубежье» - очень много тбилисских авторов, по известным историческим причинам, проживают теперь в иных местах. Кроме того, за последние десятилетия почти не было переводов современной грузинской поэзии, и это тоже - обширное поле деятельности.

- Вы пишете, что при отборе материала не руководствуетесь собственными пристрастиями, но отбор все-таки происходит?

М. Л.: - Происходит, но по качеству конкретных текстов, а в идеале нам бы хотелось опубликовать всех пишущих в Тбилиси по-русски...

- Наверное, что-то близкое тому, что вы пишете об Илье Зданевиче, упомянутый вами принцип «всечества... в основе которого лежит идея всевременной актуальности всех явлений искусства всех времен и народов».

У иных людей не бывает возраста. ...Кто-то, где-то, о ком-то сказал: «Нельзя зависеть от вращения Земли...», земное притяжение утяжеляет - они ходят по земле, но не притягивают землю, они притягивают мысль...

Мы продолжаем беседу, но, все-таки, в разговоре чувствую, как что-то ускользает от меня, что-то существенное, может быть, облик самих респондентов, их

внутренний мир, то, что составляет сердцевину, зерно, если хотите, «состав души»...

- Чем для вас, кроме уже сказанного, обусловлена работа над журналом: желанием реализовать себя, заполнить досуг, совершить некие открытия?

М. Л.: - Попыткой преодолеть чувство недовостребованности, хотя и названное вами - тоже...

- Вы сами пишете стихи... Чем для вас в этом случае является поэзия: гимнастикой ума, вредной привычкой, жизненной необходимостью?

- И то, и другое, и третье. Может быть, это - излишество, без которого можно обойтись, но это та форма высказывания, которой можно выразить то, что нельзя выразить иными способами.

- Что для вас важнее - процесс, путь или конечный результат?

- Процесс, наверное, важнее, ведь это - движение. Хотя, если перенести на творчество в целом, то отсутствие результата, конечно же, огорчает. Нет, не могу разделить эти два понятия. Обратимся к хрестоматийному: «Цель творчества - самоотдача...»

- Ваши собственные литературные пристрастия...

А. Ш.: - Непререкаемых пристрастий нет, слишком много всего. Но на первом месте для меня всегда был Блок.

М. Ш.: - Приоритеты постоянно меняются, с годами круг любимых авторов все больше расплывается. Вот, недавно читал Илью Зданевича, был увлечен им, но назвать его *своим* не могу. Наверное, я еще не встретил своего автора.

...Они просили не слишком сосредотачиваться на них самих, вроде - «какое это отношение имеет к журналу», но и последний свой вопрос я все-таки адресую именно им.

- В истории сохраняется мало имен, в литературной истории - и того меньше. Хотели бы вы оставить след на этом полотне, чтобы о вас помнили?

- Может быть, и хотели бы. Но, как известно, «не это подымает ввысь...» Что касается культуртрегерской работы, реализуемой в журнале, то тут, конечно, мы пытаемся извлечь творческое удовлетворение именно из творческого процесса, результат же, наверное, - это творение как таковое, а не его историческая судьба. А нам, имеющим дело, в том числе, и с забытыми и недооцененными авторами, заслуживающими лучшей участи, в какой-то мере ясна специфика распределения культурной памяти. Поэтому мы пытаемся не утвердить свои, а вернуть чужие имена и забытые реалии.

Как странно, что именно сейчас мне вспомнилось где-то прочитанное о том, что мысль материальна. Протянутая через столетие, забытая, но намертво запечатленная в давно забытых текстах, она вернулась к нам, и мы уже не сможем уйти от ее магического влияния и тяги:

«Ты сама меня выбрала, /И сама ты мне душу пронзила, /Ты сама указала мне / На великое чудо земли...» (Н. Заболоцкий). Может, не только люди выбирают дело, но и само дело - людей?

ЕЛЕНА ЧЕРНЯЕВА

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В студии грузинской телекомпании «Имеди» на съемках передачи «Не горюй!» австрийская гражданка госпожа Тамрико-Стефания Ульберт впервые встретилась со своими тремя родными грузинскими сестрами. Их отец, Шалва Метревели, к сожалению, не дожил до этого дня.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ

На фронт Шалва Метревели ушел в августе 1941 года. Родился он в живописнейшем селе Уцера в Верхней Раче. Школу закончил на одни пятерки. А вот профессию выбрал не сразу. Природа щедро одарила этого человека. Он был замечательно красив, артистичен, прекрасно пел и танцевал. Шалва поступил на юридический факультет Тбилисского университета. Но, закрыв первый курс, перешел на другой факультет - философский.

«Я был уверен, что скоро в СССР построят коммунизм, преступности не станет. Чем же юрист на жизнь себе будет зарабатывать?», – так спустя много лет объяснял Шалва свое решение. Мотивация, как представляется, потрясающе отражает, с одной стороны, прагматизм деревенского юноши, с другой же – наивную веру в возможность скорого построения идеального общества, в котором юрист останется не у дел, зато у философа работы появится выше головы.

Летом 41-го Шалва Метревели перешел на второй курс. С первого дня войны он начал обивать пороги военкомата, просясь на фронт добровольцем. Позднее, когда Шалве придется близко столкнуться с известными советскими органами, его и за это упрекнут. «Рвался воевать, чтобы Родину покинуть», – скажут бывшему фронтовику.

АРТИСТ-ВОЕННОПЛЕННЫЙ

В декабре 1941 года под Керчью Шалва был контужен и попал в плен. Он хлебнул горькой доли сначала в сортировочном лагере в Джанкое, потом в спецлагере близ польского города Сандомир и в Германии, в лагере неподалеку от Эрфурта.

Шалва собирает вокруг себя группу поющих пленных земляков и организует подобие самодеятельного ансамбля. Песни, которые пелись в редкие минуты отдыха, помогали поддерживать дух, попросту выживать. Искусство поющих пленных поощряли даже представители лагерной администрации, которые и сами приходили их слушать.

Слух о талантливом коллективе дошел до живших в Германии грузинских эмигрантов первой волны, среди которых были и влиятельные люди. Они-то и сумели освободить группу от лагерных работ и на ее основе создать грузинский фольклорный ансамбль, состоящий

из военнопленных. Коллектив начал гастролировать по оккупированным немцами городам Европы и вскоре приобрел популярность. Достаточно сказать, что в течение месяца грузинские артисты – военнопленные при аншлаге выступали в знаменитом парижском концертном зале «Олимпия».

ДОМОЙ!

На гастролях в Австрии ведущий солист ансамбля Шалва Метревели встретился с австрийской девушкой

Ш. Метревели с семьей

Элизабет Трамс. Молодые люди понравились друг другу. Владеющая несколькими языками Элизабет стала сопровождать ансамбль в качестве переводчицы.

В середине 44-го года во время гастролей коллектива в Центральной и Северной Италии Шалве удастся выйти на связь с местными партизанами, действующими в составе т.н. Корпуса добровольцев свободы. Вместе с Элизабет и товарищами по ансамблю он участвует в диверсионных актах. После освобождения Италии американцами друзья переходят на легальное положение.

Весной 1945 года в городе Бари, что на берегу Адриатического моря, Шалва и Элизабет официально узаконили свои отношения. Свадьбу сыграли в доме друга-итальянца. Среди гостей-бизнесменов из США, связанный с американской армией. Он предлагает грузинским артистам заключить контракт на долгосрочные гастроли в Америке. Но Шалва вынужден отклонить предложение, он спешит домой.

В комитете по репатриации он подробно рассказывает свою историю и получает гарантию того, что его возвращению на родину с молодой женой, которая была к тому времени на восьмом месяце беременности, ничто не будет препятствовать. Однако на границе советской зоны оккупации в Австрии Элизабет предлагает сойти с поезда. «Ты же не знаешь, как там у тебя дома, все ли в порядке. Приедешь, обустроишься, а потом и жену вызовешь. Уже с ребенком», – объяснил Шалве советский офицер-контрразведчик.

Молодые люди договорились, что если родится девочка, ее назовут Тамрико, если мальчик – Георгий. Они обнялись на прощание. Как оказалось, в послед-

ний раз.

До дому Шалва добирался больше десяти лет. Эшелон с репатриантами из Австрии пересек границу СССР и последовал в Северный Казахстан. Там Шалву осудили решением военного трибунала и этапом отправили в Магадан – работать на лесоповале. Реабилитация в 1956 году подтвердила, что наказание было незаконным.

ЛЮБОВЬ

В 1953 году Шалва Метревели был амнистирован и переведен из лагеря на поселение в поселок Ягодный. Вместе с ним в столярном цехе работала красивая девушка Клавдия из семьи крестьян-поселенцев, которые были осуждены как кулаки. Молодые люди полюбили друг друга и пронесли это чувство через всю остывшую жизнь. В 1956 году у них в Магадане родилась дочь Ольга. Годом позже семья приехала в Грузию. Здесь родились еще две дочери – Этери и Нана.

Сейчас сестры живут в Тбилиси и растят своих де-

команде СССР по футболу играет ее однофамилец – Слава Метревели.

Сейчас Тамрико-Стефания носит фамилию мужа – Ульберт. Живет она в поселке Пирка в двухстах километрах от Вены, занимается цветоводством. В семье выросли трое детей – сыновья Рихард и Михаэль и дочь Урсула. Последняя приезжала в Тбилиси вместе с матерью.

НЕ ГОРЮЮ!

Тамрико-Стефания никогда не была настолько обеспеченной, чтобы позволить себе приехать в Грузию поведаться с отцом и сестрами. К Шалве и его дочерям это относилось и относится в той же мере. Поэтому встреча родных долго не могла состояться.

Авторы программы «Не горюй!» обратились к представительнице авиакомпании «Австрийские авиалинии» в Грузии госпоже Эве Бергер, которая любезно согласилась поддержать их благородное начинание.

О приезде в Тбилиси Тамрико-Стефании и 23-лет-

С внуком

С супругой Клавдией

Тамрико-Стефания с дочерью

ренного в родном селе.

ТАМРИКО-СТЕФАНИЯ

В середине 60-х годов Шалва получил письмо из Австрии, подписанное Тамрико-Стефанией Метревели. Оказалось, что дочери Шалвы и Элизабет ничего не известно о судьбе ее матери. Она лишь знает, что, когда ей было всего несколько месяцев, какая-то женщина принесла ее в сиротский приют. В документах, которые находились при ребенке, указывались ее имя и фамилия, а также имена родителей. Когда Тамрико-Стефании было 12 лет, ее удочерила австрийская семья.

Девушка подросла и стала искать отца. Ей казалось, что фамилия Метревели звучит, как итальянская. Однако, поиски ни к чему не приводили. До тех пор, пока Тамрико-Стефания не услышала, что в сборной

ней Урсулы собравшиеся в телестудии на запись программы дети, внуки и родственники Шалвы Метревели, не знали ничего. Передача была посвящена грузино-немецким и грузино-австрийским отношениям, а история Шалвы Метревели рассматривалась как живая иллюстрация этих межнациональных контактов. Для присутствовавших на записи было полной неожиданностью, когда ведущий – актер Гиви Берикашвили пригласил в студию гостей из Австрии.

Тамрико-Стефания и Урсула пробыли в Грузии неделю. И скоро собираются приехать сюда опять.

«Я выросла одна, без братьев и сестер, и у мужа почти нет родных. Мы живем очень замкнуто. А в Грузии у меня оказались не только сестры, племянники и племянницы, но и много других близких родственников, с которыми мы общались так, будто знаем друг друга всю жизнь. Я чувствую себя гораздо богаче после того, как узнала страну и народ, кровь которого течет и в моих жилах. Жаль, что будучи в Тбилиси я не смогла из-за больших снегов поехать в Уцера. Но это можно исправить. Жизнь-то продолжается. А значит, я еще не раз приеду на родину отца», – писала Тамрико-Стефания сестрам в одном из последних писем.

ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ

КОГДА БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ...

Н. Доценко

Дороги войны... Лишь тому, кто прошел по ним, дано знать истинный смысл этих слов, их подлинную цену. По грязи и пыли, под жарким солнцем и проливным дождем, под бесконечный свист пуль и разрывы снарядов, под эту жестокую музыку войны... А потом, когда вдруг наступила тишина, неправдоподобная, оглушающая, когда все уже успели испить свой глоток пьянящего вина победы, - такого сладкого от сознания, что остался жить, и такого горького от перенесенных утрат, - пришло, наконец, время возвращаться домой. К родным стенам, у кого они остались, на родные пепелища, а то и вовсе - начинать жизнь с нуля. Война-злодейка, обрубившая на корню молодые жизни и превратившая тысячи ее будущих побегов, кому-то, походя, дарила и нечаянное счастье.

В этой, по сути, уникальной истории удивляет и поступок человека, отдавшего во имя Победы все, что у него было, и непростая, лихо закрученная линия судьбы, возобновленной им в городе своей юности практически с начала. Ну, а приобретенная Николаем Доценко на собственные средства боевая машина стала не только оружием возмездия, но и своеобразным символом любви и счастья этой доброй тбилисской семьи.

И вот мы уже беседуем в уютной маленькой квартире в старом тбилисском доме с дочерью Николая Степановича Доценко Татьяной Николаевной и ее мамой Екатериной Давыдовной. И ответы на вопросы незаметно перетекают в воспоминания, то грустные, то теплые, - о прожитой жизни, о человеке, которого уже нет, и о времени - нелегком и сложном, с которым связано так много...

Испытания, которые судьба уготовила этой семье, начались еще в 1930-е годы.

Татьяна Доценко: Папа родился в Киеве в 1913 году. А дедушка был музыкантом, играл на гобое. В 1931-м году его пригласили в оркестр Тбилисского оперного театра, и семья переехала в Тбилиси. Дедушка работал вместе с выдающимся дирижером Евгением Микеладзе. И одновременно с Микеладзе его арестовали. Бабушка заболела. Папа, который всю юность провел в Тбилиси, в то время был уже в армии, служил на Дальнем Востоке. Он приехал, забрал больную маму к себе, там она вскоре скончалась.

После демобилизации папа приехал в Тбилиси, но квартира была уже занята, многие вещи исчезли, а все что оставалось, он продал, потому что здесь никого из близких не осталось. Когда началась война, все деньги внес в Фонд обороны с просьбой помочь приобрести танк. Ему ответили, что это желание будет выполнено, и вскоре пришла телеграмма от Сталина. Он получил эту машину и воевал на ней. А после войны вернулся в Тбилиси, видимо, очень нравился ему этот город и эти люди. И до последних дней работал на благо Грузии. Был водителем большегрузных машин, работал на строительстве вокзала, стадиона "Динамо", метро, а когда здоровье стало изменять, пересел с КРАЗа на машину "Скорой помощи", где его и скошил тромб.

А с мамой они познакомились на танковом заводе в Горьком, куда папа приехал получать свой танк.

Екатерина Давыдовна: - Я тогда работала старшим инспектором отдела кадров по спецучету.

- *А познакомились как, долго он вас обхаживал?*

- Да нет, там обхаживать некогда было, - работали с 8 утра, другой раз и домой не попадали. И ели там же - капусту эту тушенную. Мы ее так и называли: **шукрут** - широкое

С женой и дочкой

употребление капусты работниками умственного труда.

- (Смеемся вместе) - *И смех, и грех. А вернуться он тогда обещал?*

- Ну, как-то так, знаете, об этом не думали: кто на фронт уходит, об этом не загадывает, - что Бог даст. Вот и все, на этом кончалось. А потом, уже ближе к концу войны, он сообщает - меня демобилизуют, возвращаюсь. Возвратился, и так началась жизнь. В Горьком мы расписались в августе 45-го, а в конце года приехали в Тбилиси. Так здесь и живем. Вначале даже квартиры не было, жили в гостинице, а потом постепенно все стало налаживаться.

- *И никогда не было желание уехать?*

- Да как-то так, знаете, все делили пополам. Я работал на строительстве Руставского завода, в конторе. Там тогда еще немцы пленные работали. А потом вот Таня родилась, надо было за ребенком смотреть. Потом мальчик родился, но в роддоме умер. У меня порок сердца был, и на него перешел... А в 80-м году муж умер, мы вдвоем с Таней остались.

- *Зато теперь у вас - и зять, и трое внуков, и правнучка есть уже...*

- Да, слава Богу...

Николая Доценко война застала в Хабаровске. В тот же день он явился в военкомат с просьбой отправить его на фронт. С отправлением не спешили, а когда он принес очередное заявление, ответили, что солдаты нужны и здесь: "Надо будет, отправим, а пока охраняйте Дальний Восток".

Фрагмент одного из давних газетных интервью Ни-

колая Степановича: "Как все-таки попасть на фронт? Эта мысль не давала покоя. И вот однажды, в газете "Тихоокеанская правда", я прочел маленькую заметку о патриотическом поступке колхозника Ферапонта Головатого, отдавшего свои личные сбережения на постройку самолета для Красной Армии. В тот же день в

Жена и дочь

Москву ушло письмо, в котором я докладывал Верховному Главнокомандующему, что внес в Фонд обороны Родины 41.370 рублей. Просил приобрести на мои личные сбережения танк Т-34 и разрешить отправиться на нем на фронт.

Потянулись напряженные дни ожидания. А потом, наконец, пришла телеграмма за подписью И.Сталина: "Товарищ Доценко Н.С., примите мой боевой привет и благодарность Красной Армии за Вашу заботу о Бронетанковых силах Красной Армии. Ваше желание будет исполнено".

Вскоре последовал вызов в Москву, где Николай Доценко получил направление на танк Т-34 в 3-ю гвардейскую танковую бригаду. Переподготовку проходил в учебной танковой бригаде в Горьком (где находился и танковый завод), получил права механика-водителя 2-го класса. Вскоре командир бригады поручил молодому танкисту подобрать экипаж из 4-х человек, а затем был торжественный день получения своего танка прямо с заводского конвейера. И до самого конца войны на иссеченной пулями и осколками башне красовалась надпись: "Дальневосточный экипаж Доценко". А внутри кабины была привинчена памятная табличка из нержавеющей стали.

Победу гвардии старшина Николай Доценко встретил в Вене. К тому времени грудь танкиста украшали 12 боевых наград. Еще несколько месяцев он продолжал службу, готовил механиков-водителей в учебном центре, командовал ротой.

А ту памятную табличку боевые друзья отвинтили с брони и вручили своему водителю. Она и теперь хранится в семье Доценко как самая дорогая реликвия...

АНДРЕЙ БЕЛЯВСКИЙ

НЕ ТОЛЬКО СУДЬБА

тором я вырос. «О войне, мужестве и героизме простых людей, Родине и долге, путешествиях, а также о некоторых странностях судьбы», – этими словами предваряет автор свое повествование. Многие истории, вошедшие в эту по-настоящему интересную книгу, я узнал из нее впервые, некоторые известны мне с детства.

Дядя Павлик уделял нам много внимания. Устраивал дворовые олимпиады, которые включали в себя и спортивные турниры и соревнования по решению головоломок, шарад, ребусов и прочих испытаний для ума. Это при том, что сам всегда был занят, много работал, будучи одним из самых авторитетных инженеров-механиков и технологов пищевой промышленности Грузии.

Когда мы стали постарше, он много беседовал с нами, иногда за нехитрой снедью, и часто рассказывал о войне. Собственно, с войны-то и началась его взрослая жизнь, поскольку на фронт он попал совсем мальчишкой, едва будучи призванным на срочную службу в армию.

Как устные рассказы дяди Павлика, так и те, что вошли в его книгу, лишены назидательности и стремления выставить себя в героическом свете. Автор больше говорит не о себе, а о проявлении высоких человеческих качеств в других людях, с которыми ему пришлось столкнуться.

Помню, на меня произвел большое впечатление рассказ о том, как он впервые увидел на войне смерть. Молодой офицер объяснял группе бойцов устройство гранаты и случайно сорвал чеку. Бросить гранату некуда – вокруг люди. Тогда он упал на землю, прикрыв гранату своим телом.

П.Глухов и мама Анна

Глядя на ветеранов Второй мировой войны в дни празднования 61-й годовщины Победы над фашизмом, диву даешься, как молоды душой эти давно поседевшие мужчины и женщины, сколько в них задора и неподдельного интереса к жизни.

Не так давно в Тбилиси на русском языке была издана книга под названием «Только ли судьба...» Автор – Павел Глухов, дядя Павлик, мой сосед по двору, в ко-

Одна история, которую я слышал раньше, а теперь прочел в книге, запомнилась мне особенно. Да и на жизнь дяди Павлика она, по-видимому, оказала немалое влияние.

Война застала Павла Глухова на Западной Украине. Советские войска отступали. Отбившись после боя от своей части, солдат решил пробираться по оккупированной территории на восток – к своим. Удалось раз-

добыть гражданскую одежду. Тогда еще не было зондеркоманд, не было гестапо. По дорогам шли толпы беженцев. И людей в гражданской одежде немцы не трогали.

В пути Павел почувствовал сильный жар, идти дальше не было сил. В деревнях в дома не пускали, боялись немцов. А солдату становилось все хуже. Наконец, на хуторе Коринталь посоветовали обратиться к семье Бровченко. Не спрашивая ни слова у больного парня, его ввели в дом, напоили горячим молоком, переодели и уложили в простенке между стеной и напольной печкой.

В семье четверо детей, ждали еще прибавления. А хутор занят немцами, на стенах расклеены листовки: за укрывательство советских военнослужащих - расстрел.

В этой обстановке мужественные, добрые люди в течение месяца выхаживали незнакомого человека, который мог принести им беду. В избу заглядывали немцы, но хозяева выдали солдата за своего родственника, и все обошлось. Староста хутора догадывался, кем был на самом деле гость семьи Бровченко, но молчал.

С тех пор дядя Павлик называл Анну Бровченко

своей второй мамой. «Мама Аня», - говорил он о ней. И она, когда приезжала погостить в Тбилиси, обращалась к нему не иначе, как «сынку Павло».

Сейчас Анны Бровченко нет в живых. Но младшее поколение семей Бровченко и Глуховых продолжает дружить.

Книга Павла Глухова «Только ли судьба...» посвящена светлой памяти двух его мам, настоящей - Юлию и назван-

ной - Анны.

Вообще эта книга не только о войне, хотя, конечно, ей здесь отведено особое место. Павел Глухов с честью прошел фронтовой путь, награжден орденами и медалями. После войны закончил институт, работал, защитил диссертацию, вырастил прекрасных сына и дочь, любит возиться с внуками и правнуками. В восьмидесятилетие, в возрасте уже за шестьдесят, он совершил, в том числе и в одиночку, несколько путешествий на велосипеде по сложнейшим маршрутам через перевалы Кавказа, написал интереснейшие путевые записки.

Дядя Павлик и сегодня живет интересно и насыщенно. После первой книги издал еще одну, в которой

П.Глухов с семьей

увлекательно рассказал о наблюдениях за поведением животных, которых всегда любил.

Он ездит на своем стареньком «Москвиче», часто выезжает за город. Одержим мыслью организовать туристическое агентство, которое предлагало бы путешествия по маршрутам Кавказа. Прошлым летом собрал команду энтузиастов, с которыми начал регулярно ходить в пешие походы. Самый старший член этой уже сложившейся группы моложе Павла Вячеславовича в два с половиной раза.

Через всю книгу «Только ли судьба...» красной нитью проходит мысль о том, что автора все время хранила какая-то высшая сила, не дав ему погибнуть множество раз, когда, казалось, такой исход бывал неизбежным. Думается, что сила это - его собственная энергия, жизнелюбие, способность к активным действиям, бесстрашие, стойкость и исключительно доброе и чуткое отношение к людям.

«Только ли судьба...» была очень хорошо встречена читателем, о чем свидетельствуют отклики на нее.

«Преклоняюсь перед силой Вашего духа. Ваше мужество и жизнелюбие заслуживают самого глубокого уважения», - написал дяде Павлику кинорежиссер Никита Михалков.

«Уважаемый Павел Вячеславович! - откликнулся на книгу генеральный директор киноконцерна «Мосфильм» Карен Шахназаров. - Изложенные Вами материалы вызвали у меня большой интерес. История Вашей семьи, Ваша собственная необычная судьба, случаи из жизни близких людей, собранные Вами, безусловно, могли бы стать основой для художественного произведения... Ведь именно то, что все, изложенное Вами - было, и придает особую ценность рассказанному».

Конкретных предложений об экранизации работы Павла Глухова пока не поступало. Но само письмо руководителя крупнейшей российской киностудии дает основание надеяться, что книгу «Только ли судьба...», возможно, еще ждет очень интересное будущее.

БАДРИ ДЕВИДЗЕ

Мама Юлия

ПЕРВЫЙ КЛОУН ГРУЗИНСКОГО ЦИРКА

А.Тедиашвили и А.Дадешкелиани

На арене цирка

Гость журнала «Русский клуб» - народный артист Грузии Александр Тедиашвили, один из основателей грузинского цирка.

- Господин Сандро, может, вспомните ваши детские годы, семью, родителей, школу...

- Я родился в Тбилиси в 1915 году. Отец Владимир был рабочим Арсенала, мать Сидония домохозяйкой. Учиться начал в 14-й трудовой школе в Сололаки. Со мною учились многие будущие деятели театра, искусства. Руководительницей класса была известный педагог, прекрасный человек Нино Боцвадзе. Именно она обнаружила во мне артистические данные и поощряла их. Хочу вспомнить мои первые «артистические» шаги. За Дворцом крестьян в конце Александровского сада была площадка, на которой со своими одноклассниками гонял тряпичный мяч. Однажды так увлеклись игрой, что не заметили, как на площадке появились пятеро взрослых мужчин. Мы хотели улизнуть, но не успели. Один из них, с седой бородой, поинтересовался, в какой школы мы учимся, начал шутить и спросил, знаем ли мы стихи. Мои друзья, зная мои «таланты», указали на меня. Я с выражением прочел стихотворение «Черносотенцы». Мое чтение ему понравилось.

Потом на этой площадке состоялся митинг, на котором выступил этот мужчина, который, как я узнал, был Филипп Махарадзе. На митинге меня заставили снова прочитать это стихотворение. Первые аплодисменты я заслужил именно в тот день. Ф. Махарадзе сказал, что из меня может получиться хороший артист. С того дня за мной закрепилось прозвище «Сандро-артист».

Вскоре Нино Боцвадзе поставила в школе спектакль «Приключения маленького грека», в котором мне доверили роль главного героя.

С тех пор я полюбил театр. С друзьями часто ходил в театр Руставели. Помню Сандро Ахметели и марджановский спектакль «Затмение солнца в Грузии». Большое впечатление произвели на меня немые фильмы «Элисо», «Кто виноват?»... Запомнил игру Нато Вачнадзе, Михаила Геловани, Котэ Микаберидзе, Димитрия Кипиани... После просмотра фильмов, возвращаясь домой, включал граммофон, становился перед зеркалом и подражал любимым актерам...

Я очень увлекался спортом, занимался гимнастикой в спортобществе «Шевардени» («Сокол»), которым руководил известный ученый и спортсмен Георгий Николадзе.

Моими тренерами были Давид Мгеладзе и Григол Майсурадзе. Особенно успешно выступал на перекладине, потому это пригodiлось мне в цирке.

- Как сложилась ваша жизнь после школы?

- По окончании школы я поехал в Цхинвали, где жила сестра моей матери. Там я встретился с известным грузинским хормейстером Авксентием Мегрелидзе, который принял меня в свой хор.

В 1934 году открылся Цхинвальский театр, директором которого был Виктор Мургулия, а режиссером - Чичико Абакелия. До войны я работал в этом театре. В спектакле «Хор Хринцадзе», поставленном Абакелией, я выступал как певец. Я сыграл Кучару в «Кваркваре Тутабери» П. Какабадзе, Аветика в спектакле «Иные нынче

Репетиция

времена» (режиссер Григол Лагидзе) и др. Перед самой войной перешел работать в Тбилисский грузинский театр юного зрителя.

Уже в 1941 году меня призвали в армию. Служил в ансамбле песни и пляски Первой Краснознаменной армии Дальневосточного фронта. В политсатирических скетчах исполнял роли Геббельса и Швейка. Исполнение этих ролей имело успех, меня даже прозвали «грузинским Швейком».

С 1944 года я был в рядах защитников Южного Сахалина и Курильских островов Шикотана и Кунашира. После окончания войны на Шикотане организовал самодеятельный ансамбль песни и пляски. Сам я пел «Сулико» на грузинском языке.

В 1946 году вернулся в свой родной ТЮЗ, где выступал рядом с корифеями грузинского детского театра - Гогучей Купрашвили, Тамарой Твариашвили, Георгием Дариспанашвили, Николозом Арешидзе. Режиссером театра в эти годы был Георгий Журули. Я сыграл роли Мирзы в «Потопленных камнях» И. Мосашвили, Нацаркекию в одноименной пьесе, снова Кучару в «Кваркваре Тутабери» П. Какабадзе, Беглар-агу в «Комбле» Г. Нахуцришвили, Шлагу в «Без вины виноватые» А. Островского, Элисию в «Нежданном богатстве», гофмаршала в «Коварстве и любви» Ф. Шиллера...

- Как вы попали в цирк?

- В 1957 году по решению Министерства культуры был создан первый грузинский цирковой коллектив, им руководил художественный совет, в составе художника Ладо Гудиашвили, театроведа профессора Димитрия Джанелидзе, композиторов Бидзины Квернадзе и Отара Тевдорадзе, хореограф Джано Багратиони, режиссеры Николай Санишвили и Гиги Лорткипанидзе.

В подборе актеров участвовал представитель Союзгосцирка Миронов. Клоуна выбирали из числа театральных актеров. Выбор пал на меня. Директором цирка был Григол Венадзе, художественным руководителем - Ираклий Канчели. Костюм грузинского циркового коллектива составили актеры, приехавшие из Москвы, и пришедшие из спорта Гурам Гарсеванишвили, Нана Беридзе, Нана Мелквадзе...

Цирковые артисты очень отличаются от театральных - им нужна спортивная выучка, эксцентрика, поэтому мне приходилось преодолевать серьезные трудности. У профессии клоуна специфические трудности - он постоянно находится в непосредственном контакте со зрителем, включает его как соучастника в представление.

Мне было необходимо выработать форму игры и, главное, создать оригинальный образ, клоунскую маску. Я ему придал грузинский колорит: использовал войлочную тушинскую шапку, нарисовал густые брови, одел современную пеструю рубашку, синие атласные шаровары, а на ногах у меня были огромного размера белые туфли с заостренным носом. Партнером выбрал ослика, которого включил в разработанный мною сценарий. Для создания грузинской комической маски я переворочил грузинские народные сказки, басни Сулхан-Саба Орбелиани.

Первое представление грузинского циркового коллектива состоялось 18 февраля 1958 года. Я был остался недоволен своей работой, однако, уже в том же году, на Декаде грузинской литературы и искусства в Москве меня объявили национальным ковровым клоуном. После столь высокой оценки, я начал работать над собой с большей интенсивностью. Изменил дикцию.

Во время нашего выступления в Москве педагог ГИТИСа специально привела своих студентов на наш спектакль,

чтобы показать им мою работу, которая ей очень нравилась. Она сравнивала меня с выдающимся актером МХАТ Тархановым, что для меня было очень лестно.

Наш коллектив гастролировал по России, мы были в Финляндии, Чехословакии, Венгрии...

В 1963-68 годах я был художественным руководителем Грузинского циркового коллектива, поставил спектакль для детей «Легенды синих гор», в котором попытался отразить грузинские традиции.

- Что вы можете сказать об актерах вашего коллектива?

- Это Алексей Цхомелидзе со своим номером «Старый Тбилиси»; Николай Голиадзе с семьей с номером на подвижной лестнице; Михаил и Людмила Лалашвили на двойном подвижном канате; семья Агдгомелашвили работала на перекладине. Потомок сванской княжеской фамилии Сандро (Александр) Дадешкелиани отличался импозантной внешностью, изысканными манерами, тонким юмором, беседа с ним доставляла удовольствие. Я с ним дружил с детства. Он был лишен рук, но ногами творил чудеса - играл в нарды, стрелял из ружья... В коллективе также работали Николай Мацаберидзе с вертолетом собственной конструкции; Отар Ратиани с аттракционом «Человек-невидимка». До того, как он создал этот аттракцион, он жонглировал бильярдными шарами.

Особо хочу отметить вклад в возрождение грузинского цирка доктора искусствоведения, профессора Димитрия Джанелидзе. Он считал, что цирковое искусство древнее театра. Мы часто беседовали об искусстве мушкетеров. Об этом искусстве он прочел курс лекций для наших актеров. Великий Ладо Гудиашвили внес большой вклад в сцениграфию грузинского цирка. Он создал эскизы ковров с грузинским национальным орнаментом, костюмов.

Режиссером наших спектаклей был молодой Гига Лорткипанидзе, разработавший круговые мизансцены и особый ритм всего нашего представления. Музыка для него написали Бидзина Квернадзе и Отар Тевдорадзе. Оркестром дирижировал Рудольф Коняев.

- Были ли у вас ученики?

- Педагогической деятельностью занимаюсь до сих пор в Государственном эстрадном и цирковом училище им. Ш. Милорава. Моими учениками были братья Дашевские, Джемалашвили, Пилюсян, который в настоящее время работает в Израиле...

- Кто особенно запомнился вам за вашу длительную карьеру?

- В первую очередь гениальная Верико Анджапаридзе. С нею я встретился в фильме «Отарова вдова», где играл роль Бадалы. Дружил с Александром Омиадзе, с выдающимися комическими актерами-марджановцами Акакием Кванталиани, Александром Гомелаури, Сандро Жоржколиани, с Тамарой Чавчавадзе. На эстраде выступал с коллегамитюзовцами Г. Купрашвили, Т. Твалиашвили, Н. Сирбиладзе...

- Над чем работаете сейчас?

- Написал книгу «Цирк - искусство чудес», в которой попытался рассказать все то, что я знаю об этом удивительном искусстве.

Моя мечта - возрождение грузинского циркового коллектива.

Беседовал ДАВИД СОЛОМОНИШВИЛИ

АРСЕН ЕРЕМЯН (ГРУЗИЯ)

Заслуженный журналист Грузии, коренной тбилисец. Рассказы и стихи начал писать, учась на отделении русской филологии Тбилисского государственного университета. Автор книг, изданных в Тбилиси и Москве. Публикуемые стихи взяты из сборника его избранной лирики.

КЕРЧЬ

Моему тестю Агаси Галустову

Приказ был прорываться к морю
И как всегда не обсужден.
Но каждый среди вас, героев,
Уже заране обречен.

Ты ездовой, но пушка ваша –
Песчинка в этом море зла.
И даже думать было страшно,
Что пуля-дура цель нашла.

И сгнули куда-то кони,
Лишь облака, как табуны.
Тебе из крымского далека
Родные горы не видны.

Вокруг тебя орлы-подранки
И падают в гвардейский рост,
И смерть их носит спозаранку
На кровью залитый погост.

А уступать никто не хочет,
И ты кричишь: «Сынок,
пригнись!»
И догоняешь что есть мочи,
И через силу тянешь вниз.

И вплоть до дальнего лимана
Идет стеной кровавый смерч.
Здесь вся земля сплошная рана,
И жертвы требует с вас Керчь.

ПАМЯТЬ

Брату Шуре

Ты ребенком от ножей
Под тахтою схоронился.
По раскладу ворожей
Жить тебе и веселиться.

Лихо знал ты не по книжке,
Виноватый без вины,
Испытал судьбу парнишкой
С первых месяцев войны.

Смерть настигла возле Курска.
В братской ты лежишь могиле
Иль на дне в окопе узком,
Старикам не сообщили.

Службы ратной срок
короткий,
А потом покой и тишь.
На меня из-под пилотки
С фотографии глядишь.

КИНОТЕАТР В СУХУМИ

Д. Шелия

Ни одного билета в кассе.
Мужчина: «Да, но я герой...»
А в зале скоро свет погасят,
И вспыхнет на экране бой.

Горел он ярче всех закатов.
Сосед танкистом, видно, был.
Ловил он жадно кадр за кадром
И все на свете позабыл.

До Прохоровки снова близко,
И на груди горит звезда.
Какою страшно пропиской
Вошла война в нас навсегда.

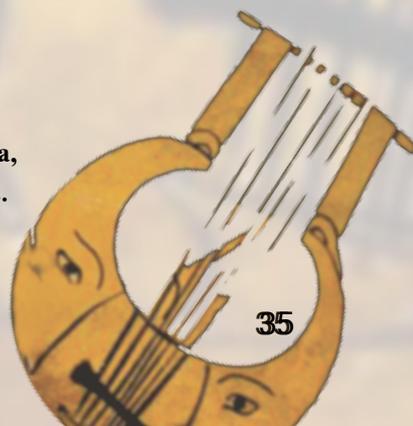
Горели танки, словно свечи.
Рулил механик в озерцо.
Охваченный огнем по плечи,
Спешил он уберечь лицо.

Пропитанный до пят бензином,
Комбинезон ловушкой стал.
И летним был тебе и зимним,
Когда ты плакал и мужал.

А озерцо, что твоя лужа –
Притягивает, как магнит.
И танк твой снова будет нужен,
И вот поодаль «Тигр» горит.

В бою трофеев мы не брали,
И танк на танк упрямо лез,
Как на слонику слон взобрался
И не спешит оттуда слезть.

И снова ужас наважденья,
И не отпускает боль.
В Сухуми – фильм «Освобождение»,
И танки псами рвутся в бой.

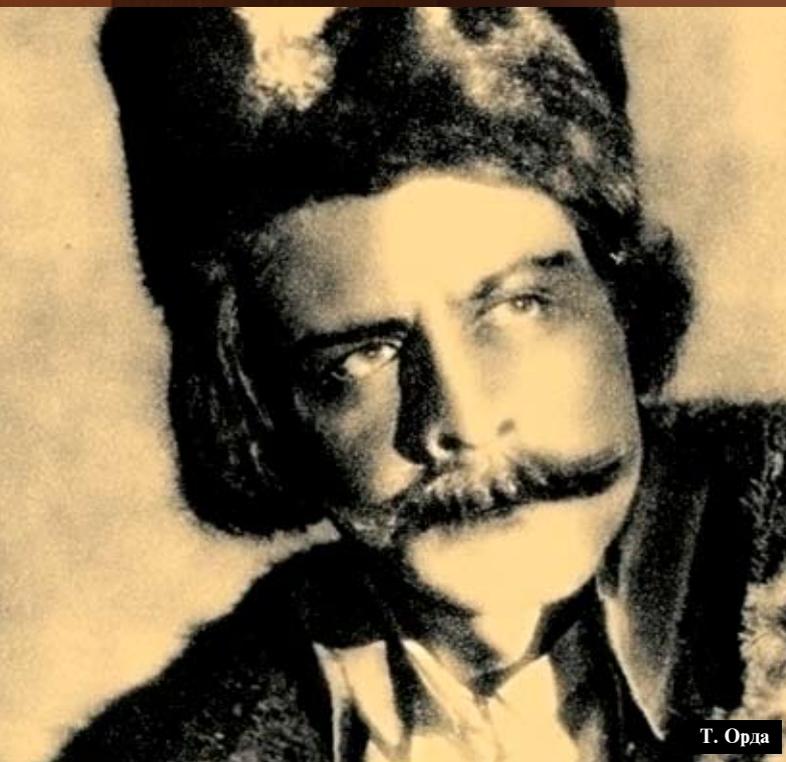
РАЗВЕ МОЖНО ЗАБЫТЬ...

Тадеуш Орда, любимец тифлиских меломанов, исполнитель заглавных ролей почти во всем баритоновом репертуаре, брат знаменитого польского баритона Зигмунда Залесского... На грузинской оперной сцене вспыхнул как метеор, запав в культурную память почти на столетие.

Музыкальное образование Орда получил в Италии, где его педагогом по вокалу был Антонио Котоньи, а по сценической подготовке знаменитый – Дельфино-Менотти, что ознаменовалось прекрасным результатом: где бы ни выступал певец, всюду ему сопутствовала слава талантливого актера и обладателя редкой дикции.

В Тифлисе Тадеуш поначалу пробыл один сезон (1912-1913 гг.; ему было тогда 23 года), а спустя пять лет вернулся и сразу оказался в числе ведущих солистов. Дебют в опере «Риголетто», в которой меломаны запомнили его еще в первый приезд, продемонстрировал, как вырос и окреп талант певца, отточилось сценическое мастерство. Сцену встречи Риголетто с Джильдой во дворце герцога критик В.Ананов относил к самым потрясающим моментам актерской игры: «... в остановившемся взоре, тихом покачивании головы опустившейся фигуры – вся скорбь неотвратимого несчастья, вся нечеловеческая усталость после страшного нервного перелома».

В следующей роли Евгения Онегина Орда «показал все

Т. Орда

те же пленительные качества голоса...». В то время в Тбилиском оперном театре, во избежание нарушения цельности спектакля, было запрещено вызывать певцов на бис. После ариозо «Увы, сомнения нет» зал настойчиво требовал повторения, но дирижер не пожелал отступать от правила, и, как

свидетельствует заметка, чуть не разыгрался инцидент.

С успехом выступил Орда и в «Демоне», заметно отступая от традиционной трактовки роли, и в «Борисе Годунове», где пронзительному раскрытию душевных терзаний преступного царя немало способствовали выразительность речитативной декламации, чеканная дикция. Однако главным качеством, которое придавало неотразимое очарование каждой роли Тадеуша Орды, была редкая красота тембра, которую отмечали решительно все.

13 апреля 1918 года в зале Тифлиского кружка состоялся благотворительный концерт, устроенный Польским окружным советом с целью помочь неимущим эмигрантам вернуться на родину. Участниками концерта были Генрих Густавович Нейгауз (по материнской линии – Шимановский), в то время преподаватель тифлиского музыкального училища, солист оперного театра баритон Евгений Алексеевич Вронский, Тадеуш Орда и другие артисты, пожелавшие сохранить инкогнито.

Новое выступление в концерте гастролирующего дирижера Евы Брунелли с исполнением арии из оперы М.Ипполитова-Иванова «Измена» дало В.Ананову основание заключить, что г-н Орда «не только незаурядный оперный артист, но и прекрасный концертный певец, соединяющий чудный тембр с художественными нюансами и фразировкой».

В Тифлисе той поры то и дело возникали и распались, сменяя друг друга, товарищеские объединения, творческие союзы, клубы, кружки, студии с экстравагантными названиями («Алькре», «Привал комедиантов», «Кривой Джими», «Ладья аргонавтов»), которые зачастую шли вразрез с серьезностью художественных задач. В их числе был кружок «Павлиний хвост», программа которого предусматривала вечера памяти Дебюсси, Крылова, Кюи, широкий спектр тематики докладов, диспутов. В соответствии с уставом, цель кружка, в правление которого, наряду с В.Анановым и Я.Львовым, вошел Тадеуш Орда, было «единение и культивирование активных деятелей искусства». Состав участников первого концерта, состоявшегося 14 апреля, был самым блестящим: примдонны оперного театра С.Кепинова, Т.Сабанеева (жена Орды), В.Бураго-Цехановская, пианист Г.Нейгауз, скрипач Л.Бендицкий, сопровождавший декламационное чтение своего коллеги В.Горского, прославившийся в комических ролях оперный бас А. Балабан (в данном случае – аккомпаниатор Кепиновой), виолончелист В.Захаров.

Участие в концерте Орды, взявшего на себя обязанности конферансье, выявило многосторонность его дарований. Начав в своем обычном амплуа, он продолжил выступление как тещ-декламатор (монолог Бориса), а в конце вечера принял участие в хореографической импровизации «Последнее танго», где партнерами его были автор представления балерина М.Ласкари, певец А.Балабан, скрипачи В.Горский и Ф.Кац и популярный в то время пианист и композитор Б.Прозоровский.

К концу сезона 1917-1918 года в театре прошли премьеры двух опер – «Заза» Леонкавалло и «Гамлета» Тома. Исполнители главных ролей – приглашенная на один сезон из Варшавы известная певица Ганна Скворецкая (Заза) и Тадеуш Орда (Гамлет) силой таланта вдохнули в них новую жизнь, открыли возможности эмоционального наполнения примелькавшихся трафаретов, очеловечивания сухих схем. «Голос лился горячей волной, заливая весь театр и легко уходя куда-то ввысь. Проникнувшись переживаниями Зазы,

певица вовлекла в их ауру весь зал, порой вызывая слезы. Душевный мир героини изливался как «мощная песнь оскорбленной любви, крик одиночества ... женщины, которой дали мираж и тотчас же его отняли» (Я.Львов). В то же время образ героини раскрывался и в жанровом преломлении, где лукавство соседствовало с сентиментальностью. К этой роли певица пришла после блистательного успеха в главных партиях «Аиды» и «Тоски», утвердившись в «звездном» терците с такими партнерами, как Каншин (драматический тенор) и Брагин (баритон). «Материал богатейший, чудесные верхи, четкий тембр...» – отзывалась пресса о Скворецкой, отмечая также красивые туалеты Тоски.

В роли Гамлета Орда, по словам того же Я.Львова, представлял, прежде всего, как бездушный мститель, ни на минуту не расстающийся с выбранной для такой роли маской.

Его достойной партнершей была Т.Сабанеева, и, как пишет критик, только этот ансамбль помог дослушать до конца «нестерпимую дребедень» оперы Тома, принуждающую вспоминать строки Пушкина: «Мне не смешно, когда маляр презренный // мне пачкает Мадонну Рафаэля».

В то время концертный зал консерватории, теперешний Малый зал, был местом всевозможных диспутов, как правило, завершающихся концертом. Программа таких собраний всегда была насыщенной. Так, на одном из вечеров ARSa (выходящий в Тифлисе ежемесячник искусства и литературы) чтение докладов (С.Городецкий, «Искусство и жизнь»; Г.Робакидзе, «Дионис и Аполлон»; Я.Львов, «Искусство и город») сменилось открытым заседанием возглавляемого С.Городецким Цеха поэтов. За чтением стихов последовал концерт при участии супружеского дуэта Т.Сабанеева - Т.Орда и камерного ансамбля Г.Нейгауз - Е.Гузиков, и, как сообщила газета, «публика измучила их требованием бесконечных повторений». Известно также, что Орда председательствовал на диспуте о задачах театра (докладчик Я.Львов), где в ожесточенных дебатах столкнулись С.Городецкий, Гр.Робакидзе, К.Зданевич, А.Кручных.

Не обошлись без участия Орды и музыкальные празднества памяти Н.А.Римского-Корсакова. В поставленной в консерватории «Царской невесте» он был представлен ролью Григория Грязного.

Исполнение еще одной роли – эфиопского царя Амонасро в «Аиде» – во многом поучительно для артистов всех времен, которым в интерпретации этого образа зачастую изменяет чувство меры. «... у него нет ... нарочитой дикости прыжков, ползаний на животе, чем любят пугать публику наши российские эфиопы, - писал Я.Львов. - Фигура Амонасро ... величава, импозантна. Это настоящий царь, не теряющий величия в самые драматические моменты».

Еще одна сторона деятельности Орды за короткий срок его пребывания в Тифлисе – режиссура. Она началась с постановки одного из самых любимых и кассовых спектаклей в Тбилиси – «Сказки Гофмана» Ж. Оффенбаха. Представление об авторской концепции в достаточной мере дает интервью с ее автором, опубликованное в газете «Кавказское слово».

Постановке предшествовало тщательное изучение художественного наследия Гофмана, где отыскивались мотивы, созвучные либретто Барбье. Так, в интерпретацию образа умирающей Антонии вплелись ассоциации с трагической певицей из новеллы «Дон Жуан», для которой роль донны Анны стала прощальным приветом перед добровольным уходом из жизни. Отступлением от традиции оказалась пе-

редача трех женских ролей одной певице. По утверждению режиссера, так поначалу задумал Оффенбах: девочка-кукла Олимпия, куртизанка Джульетта и певица Антония должны были явить три лика созданной воображением героя возлюбленной, которую он повсюду ищет, не находит, и, наконец, принимает за нее пустую и бессердечную артистку Стеллу. Т.Орда был также создателем проектов костюмов и декораций.

Артистическая деятельность Тадеуша Орды прервалась во цвете лет. Его последние выступления состоялись в Варшаве, куда он переехал из Тифлиса после экспансии большевиков, в сезоны 1925-27гг. В 1930 году певца не стало. Его уходу из жизни предшествовала продолжительная душевная болезнь.

В заключение приведем выдержку из мемуаров грузинского оперного режиссера Михаила Квалишвили, большого знатока и строгого ценителя вокала, ставившего Орду выше всех баритонов, которых ему довелось услышать в России.

«Ровный по всему диапазону, бархатистый в среднем регистре, на верхних нотах голос Орды приобретал металлическую яркость, как-то расширялся всеором и покорял слушателя своей мощью, и, вместе с тем, необыкновенной легкостью полета звука. Разве можно забыть, как он пел Веденевского гостя ... и, в особенности, «Паяцы»? Он буквально заливал театр своим голосом, а когда брал верхние ноты, создавалось такое впечатление, будто с потолка сыпались воздушные шары ...»

МАРИЯ КИРАКОСОВА

БОЛЬШОЕ ВРЕМЯ В ЭПОХУ ФРАГМЕНТАЦИИ

Заза Шатиришвили (1966). Кандидат философских наук. Преподает в Европейской школе управления и в Академии визуальных исследований

- Мамардашвили говорил о двух началах в культуре: античном и христианском...

- Все культуры, которые находятся в Средиземноморском ареале, имеют, во-первых, античное начало, потому что там были сформулированы такие концепты, как культура, литература и так далее. В этом смысле и грузинская культура, и русская стоят на основе античной культуры. А с другой стороны, конечно, без христианства тоже невозможно представить историю ни грузинской, ни армянской, ни русской культуры.

- Какое отношение грузинская и русская культура имеют к Средиземноморскому ареалу?

- Во-первых, античные корни. основополагающие тексты, которые здесь переводили уже в начале V века, на славянские языки в X-XI веках, были грекоязычные, это очень важно. Понадобились риторические и культурные навыки, и обращались к этим текстам, что сформировало первый интеллектуальный слой, который воспринял навыки античной и христианской культуры. К V веку античность и христианство уже слились, было образовано то, что мы сейчас называем христианским эллинизмом, или эллинистическим христианством. И грузинская, и русская культура относятся именно к эллинистически-христианской культуре. Это, кстати, очень хорошо понимал Осип Мандельштам, когда в своей статье «Утро акмеизма» писал, что русский - язык эллинистический. Не просто из-за того, очень много слов из греческого, а сама сущность русского языка уже эллинистическая, и именно потому, что мы обитаем, живем в этом языке, мы соотносимся с эллинистической культурой. Так что с эллинистическим началом понятно. А что касается христианства, уже нечего и говорить.

- Грузинская культура прошла достаточно серьезный путь. Каково ее современное состояние?

- Будем говорить о последних 18 годах, для культуры срок очень маленький. Культура живет в большом времени. Как говаривал Михаил Михайлович Бахтин, культура живет - я не говорю: столетиями и веками - другим измерением. Если происходит что-то интересное, для культуры значимое, то это факт культуры.

Я думаю, что эти 18 лет в каком-то смысле - затишье. С точки зрения культуры, ничего интересного. Может быть, есть интересные факты с точки зрения социологии литературы или искусства. Но то, что мы подразумеваем под словом культура, а когда мы говорим культура, имеем в виду классическое ее понятие: культура - то, что облагораживает человека. То есть культура в эллинистическом смысле этого слова. Для социологии литературы интересное явление - возникновение новых жанров под влиянием американского кино, или в поп-литературе. Когда мы говорим о персидском влиянии, о грузино-персидском слое - персидская поэтика, литература сыграли очень большую роль в грузинской литературе, и самую замечательную. Без этого не было бы XVII-XVIII веков с удивительным расцветом эпической литературы. Это факт культуры. Или, допустим, византийский слой, более ранний, в грузинской культуре. От X до XIV веков, тоже интересный период, когда переводились византийские тексты, делались комментарии. То же самое можно говорить о XIX и XX веках, когда происходила рецепция русской и европейских культур, была создана высокая литература, культура. Самые такие замечательные образцы - Важа Пшавела, Галактион Табидзе. Что касается этого 18-летия, нам нужен какой-то контекст. Можно сказать, что это выпадение из одного контекста и сотворение другого. 20-е годы Юрий Тынянов называл в русской литературе промежутком. Если убрать литературу и сказать о культуре, может быть, мы сейчас в промежутке и не знаем, где находимся. В принципе, в большей степени это относится к Грузии, чем к России, потому что Россия пытается все же как-то освоить советское прошлое и посмотреть со стороны, более-менее рефлексировать о таких явлениях, как социалистическая литература, социалистическая культура. То есть не просто продолжить, а осмыслить, и этим занимаются люди совершенно разных профессий, разных течений. У нас этого нет. Мы пока что не знаем, что такое наше советское прошлое, грузинское советское прошлое. Наверно, нужно какое-то время. Я думаю, то, что сейчас происходит, что мы назвали 18-летним периодом, это промежуток. У нас пока нет такого языка описания, чтобы посмотреть со стороны и увидеть.

- Раньше существовало единое культурное поле. Фактически связь утратилась...

- Да, связь, конечно, утратилась. Если брать XIX век, то без русского романтизма грузинский романтизм очень трудно себе представить. Потому что все европейские влияния шли через русскую линию, через Россию. Байрон и Шелли до нас дошли с помощью Пушкина и Жуковского. Потом тоже были чудесные связи, если брать уже XX век, то там появилась и обратная связь, обратное влияние, особенно в 60-70-х годах, влияние грузинского романа на русскую литературу, особенно романов Отара Чиладзе. Если говорить о культуре, самое большое влияние, это, конечно, грузинское кино и грузинский театр. И в этом смысле то, что мы называем тбилисской культурой, грузинским кинематографом, грузинским театром, сыграло очень большую роль в культуре 80-90-х. Сейчас ничего

такого нет. Есть отдельные представители, которые, поскольку они культовые фигуры в Москве, что-то там делают Роберт Стураа или Резо Габриадзе, то и дело появляется Отар Йоселиани. Утрачивается влияние того, что было в 60-80-х, и вообще что было накоплено в течение веков, с 1801-го, и не только, мы куда-то уходим. Куда уходим, я сам не понимаю. Современный мир – очень интересное явление, потому что можно путешествовать, не выходя из дому, благодаря Интернету и прочему. Россия, с одной стороны, находится на месте, но она тоже как-то уплывает, то есть тоже неоднородна, меняется в культурном смысле. У нас все сложнее. В России сохранились какие-то институты, культурные центры, университеты. В России, как и у нас, роль отдельной личности была очень высокой. И когда буквально в течение последних месяцев умерли Владимир Николаевич Топоров, Михаил Леонович Гаспаров, Элеazar Моисеевич Мелетинский, все говорили: потеря такого человека – это потеря целого института. Официальную культуру занимали официальные институты, эти же люди жили по-другому и творили по-другому. У нас тем паче. Когда у нас умерли сразу Мераб Мамардашвили, потом ряд очень интересных грузинских философов, то не стало так называемой тбилисской философской школы. А новые не пришли. Ситуация довольно неопределенная. Мы сейчас видим разрушение всех старых институций: советской школы, советского университета в Грузии, и стоим перед

Справа - З. Шатиришвили

каким-то началом, что нас, прямо скажем, пугает. Это очень похоже на то, когда говорят, что Бог создал все из ничего, даже не из хаоса – из ничего. И это ничто смотрит на нас. Мартин Хайдеггер говорил, что это ничто имеет прямое отношение к мышлению. Может быть, это именно та ситуация, о которой говорил и Ме-

раб Мамардашвили, что зачем нужна независимость, и он вспоминал Ганди, который сказал: да, вместо образованного английского бюрократа будет коррумпированный индийский бюрократ, но независимость нужна, чтобы мы видели, кто мы такие. И я думаю, мы, грузины, увидели, кто мы такие.

- Ты много общался с западными славистами, философами. Чем занимается западная славистика и что они знают о Грузии?

- Многие специалисты, которые занимались Пушкиным, Грузию знают, скажем так. Западная славистика – явление очень неоднородное. Лучше я знаю американскую славистику. В основном, конечно, на 50 процентов это наши люди. В методологическом смысле очень большое разнообразие. Если посмотреть с точки зрения классической русской филологии 70-80-х, иногда возникает чувство, что эти люди не совсем тем занимаются, чем занимались мы, допустим, в 70-80-х годах здесь. Ну, конечно, играет свою роль отличие американских культурных центров, университетов от всего того, что у нас происходило. В этом смысле американская славистика очень разная. Есть отдельные, очень хорошие специалисты. В основном, люди старого поколения. Я бы назвал Дэвида Бетеа, Александра Жолковского, Бориса Гаспарова...

- Я встречалась с американским профессором-славистом, он знает Пушкина, но совершенно не знает американских поэтов.

- Да, американских поэтов не знают, это очень интересно. Если брать американского ученого нового поколения, он слыхом не слыхивал ни Эдгара По. Какой там Уолкотт или еще кто, он не знает даже Фолкнера и Честертона. Но зато хорошо знает Шершеневича, если им занимается. У них нет культуры. Она есть только у тех, которым 60-70, кто заканчивал хорошие гимназии, хорошие школы. В Европе ситуация другая, там все же более-менее сохранилось классическое образование. Есть и другие, так называемые левые ученые, у которых в нашем смысле нет образования. Но они очень хорошие ученые. Я знавал одного слависта, который занимался Пушкиным, но не знал Мицкевича. Объективно и более нейтрально выражаясь, можно сказать, что американское общество фрагментировано, и американский интеллектуальный слой, у них нет единого канона. Лет 20-25 назад можно было представить себе образованного человека, который читал Достоевского, но не читал Толстого? А когда человек более-менее хорошо занимается Маяковским, скажем, американец, но не знает Фолкнера, но если ему понадобится Фолкнер, то он прочтет.

- В современной философии видишь ли ты какую-то масштабную фигуру?

- Философа мирового масштаба сейчас уже быть не может, потому что философия перестала быть единой дисциплиной. Существуют разные философии. Единственным философом, которого я видел после Мераба Мамардашвили и знаю, поскольку он меня так называет, и я его могу назвать моим старшим другом, это Александр Моисеевич Пятигорский, именно независимый философ, он мыслит и пытается строить свою

философию на независимых началах. Если посмотрим на современную французскую философию, они там замечательные мастера, в профессиональном смысле даже гораздо лучше пишут, лучше знают философские тексты, чем Александр Моисеевич Пятигорский, но не в этом суть философии, ведь есть связь между философом и его философией. То есть это вещь глубоко личностная, и если этого не возникает, нет никакого философа. Потому что, уверяю, Сократ очень плохо знал философские тексты, но без Сократа невозможно представить себе всю последующую философию. А когда философия потеряла личностное начало, она перестала быть единой дисциплиной, и распалась на ряд, как модно говорить, дискурсов.

- *Фактически у философа большая связь со своими рботами, чем у поэта с текстом?*

- Смотря с какой точки зрения посмотреть. Если мы говорим индивидуальность – да, но если говорим личность – дело другое. Личность и индивидуальность – две большие разницы. Бродский был против индивидуальности в поэзии, но не против личности. Индивидуальность – *Currículum Vitae*, а личность – это именно то, что с тобой бывает, когда у тебя происходит встреча. Индивидуальность – сумма тех лекций, призов, что ты получил.

- *Гаспаров как-то сказал, что если б мы воистину держались своих корней, Чехов никогда б не покинул отцовской лавки в Таганроге. До какой степени надо держать своих корней и сколь необходимо это?*

- Это очень хороший вопрос, и когда говорят «корни», я всегда вспоминаю одну концептуальную метафору Мераба Мамардашвили: «невербальный корень восприятия». А этот невербальный корень может возникнуть и в Таганроге, и в Москве, и в Лондоне. Если не возникнет, никакие корни тебе не помогут. Я бы это перевел на другой язык, допустим, на язык христианской теологии. Древний латиноязычный апологет Тертуллиан сказал такую фразу, очень важную с философской точки зрения: «Христианами не рождаются, христианами становятся». Есть контексты, которые на нас накладываются, и мы говорим, как Маркс, что человек – точка социальных пересечений. То есть никакого человека на самом деле не существует. Существуют базис, надстройка. Фрейд говорил о либидо. Или современные философы: у человека много идентичности, и нет такого явления как человек. Если посмотреть с метафизической точки зрения, есть такое явление, как человек, но его невозможно определить с помощью таких процедур, потому что такой человек – это не социальное явление, а явление другого порядка. И это видишь очень редко. Кроме социальных пересечений, существует и нечто другое.

- *Ты встречался с такими людьми?*

- Я очень хорошо помню, когда на лекциях Мераба Мамардашвили у меня возникало такое чувство. В разговорах с Александром Моисеевичем Пятигорским у меня возникало такое чувство. Дважды я видел такое, и это очень много. Пятигорский любит цитировать выражение немецкого философа XVII-XVIII века Валентина Андреа: «Не у каждого города есть свой философ». Я

жил в городе, у которого был свой философ.

- *А сейчас ты в каком городе живешь?*

- Существует латинское понятие «*Civitas Dei*», град Божий, о котором говорил Блаженный Августин. Я ощущаю себя гражданином этого города. Все зависит от человека. Мы, наверно, все же до конца не понимаем, что значит современная эпоха. Это «эпоха глобальной фрагментации». Она уникальна, потому что человек сам может выбрать все, даже ценности. Говорят, от него мало что зависит. На самом деле по-другому. Сейчас ты можешь даже выбрать свое собственное прошлое. С одной стороны, это очень плохо, потому что там разные симулякры, симуляции, но с другой стороны, тебе может повезти, и ты можешь попасть в то, что я называю классической традицией. На самом деле мы всегда строим прошлое. Всегда строим свой вариант прошлого. Это довольно-таки банальная мысль. Можно выбрать Вергилия, а можно и Минотавра, не Тезея. Если выберешь Минотавра, то можно придумать концепты мультикультурной гибридации. Говорят, стирается национальная культура. В каком-то смысле и правда, и не совсем точно. Стираются эмблемы. Все фрагментируется. То есть какой-то человек может выйти на какого-то человека, какой-то поэт на поэта, все сейчас индивидуализировано. Но отдельная личность может для себя все это восстановить и сделать какую-то целостную картину. И это будет не его собственная прихоть, а если он попадет в какое-то измерение, то, что я называю классической традицией. Вот если ты попадаешь в ту классическую традицию, где все связано, спаяно, где «время не бежит», как говорил Мандельштам, тогда можно попасть в эту внутреннюю Грузию. А если нет, то это будет или конъюнктура западного слависта, или экзотика левого интеллектуала, или, допустим, нефтепровод правого политика.

- *Что может быть дальше в русско-грузинских культурных отношениях?*

- Ну конечно, будет что-то другое. То, что было, уже не вернешь, и процесс необратим. Мы разминулись, это факт. Но когда придет какой-то другой поэт лет через, допустим, 100-150... Когда Важа Пшавела писал в конце XIX - начале XX веков, он вспоминал не только то, что происходило в персидском слое грузинской культуры, не только то, что происходило в византийском слое грузинской культуры, он вспоминал и тот слой, когда Грузии вообще не было, то есть вспоминал Ахайю. Когда придет настоящий поэт, он вспомнит и тот слой, который можно назвать российским слоем в грузинской культуре. Так что будет встреча на таком уровне: метафизическом. Встреча будет. Потому что встречи бывают только в таких точках, как говорил Мераб. Это будет встреча, где есть классическая традиция культуры и не существует ничего необратимого. Классическая культура – это такая культура, где все всегда все помнят, где память необратима. Потому что есть большое время и есть маленькое время. В маленьком времени большое не вмещается. В маленьком времени всегда забывают о предыдущем. В большом времени все это стоит на месте.

ИННА КУЛИШОВА

ЗВИАД РАТИАНИ

СНЕГ, СНЕГ. ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

Жизнь прекрасна. Проснулся в начале седьмого и зажег огни нашей елки, хорош блеск ее разноцветных свечей. Жизнь прекрасна. Дети спят. И взрослые. Снег, первый, кажется, в этом сезоне, падает. Падает снег, и светает. Тридцать четыре – шепчу я себе. Нет, не годится. Тридцать четыре – повторяю погромче. Опять не то. Что-то не нравится в этой цифре; а ведь именно столько исполнилось мне сегодня. Минимум полчаса в моем распоряжении, могу сидеть и писать. Нет, не могу. За окном залаяла собака, и так энергично, что я подумал: ей еще о многом и многом лаять, но она вскоре притихла. Жизнь прекрасна. Быстро светает, и заранее ленюсь прожить этот день, этот конкретный. Я не о жизни. Жизнь прекрасна. Жить я люблю. Я ленюсь прожить именно этот, наступающий день, шагать по грязи – ведь снег в этом городе не держится долго, принимать поздравления, не-поздравления, говорить «спасибо» с соответствующей мимикой. Быстро светает, и в дневном свете уже не так хорош блеск разноцветных елочных свечей. Жизнь прекрасна. Моя дочка бежит к окну и с криком «снег, снег» несется по дому, а сын еще маленький, ничего пока не понимает, но и он радуется и подпрыгивает на кровати. Я мог предугадать такое начало дня, так как проснулся в начале седьмого и первым увидел снег за окном. Дитя мое, не так уж и хорош этот снег – час, другой и растает, превратится в грязь, он так же безжизнен, как число Тридцать Четыре, так же бездушен, как блеск елочных свечей в дневном свете, бесплоден, как твой отец за письменным столом. Но эти слова, дитя мое, плохие слова, а снег – снег хорош, и твой отец, представь себе, тоже. Пока он не вышел из дому на улицу, где снег еще не затоптан и чист, скажи ему что-то, неважно что, любое слово шепни, пусть даже бессмысленное Тридцать Четыре, и он станет красивее, чем был, и с легкостью будет шагать по тающему снегу, принимать поздравления, благодарить поздравляющих и хотя бы некоторое время не вспоминать, как усложнилась жизнь, как упростились мечты. Жизнь прекрасна.

ДРУГОЙ БЕРЕГ. ФРАГМЕНТ

Солнце спускалось куда-то в сторону, не в море, и само море было каким-то не таким, северным, с удивительно плоской тканью поверхности и с тонким, глазом почти неуловимым, горизонтом, линия которого проходила гораздо ближе, чем в том другом, единственном море, которое я видел. И я, девятнадцатилетний и слегка удивленный, что даже моря не похожи друг на друга, с радостью смотрел на красивую русскую девушку, которая выходила из воды на берег, ступая медленно, спотыкаясь – так как дно было каменистым. Солнце спускалось, и в его лучах блестело тело, покрытое глазурью соляной воды, я же был девятнадцатилетним, прошлое пока не имевшим, и не мог понимать, что это и есть красота: удачное сочетание нескольких теплых цветов, и только...

МАЛАЯ ЭЛЕГИЯ ДЛЯ ОТЦА

Смотри, это дерево и есть мой отец. Ты удивлен? Дуб ожидал увидеть? Нет, это дерево и есть мой отец, это тонкостволое и еще совсем не старое, которое чутко спит зимой и весной пробуждается при первом тепле. Оно не затеняет половину двора, не заслоняет свет другим деревьям, его тень не тяжела и послушна – даже слабое осеннее солнце без труда вращает ее вокруг ствола, ну а летом, когда у нас невыносимо жарко, его тень пятерых-шестерых, если не больше, укрывает свободно, и нам этого хватает. Нас больше и нет. Большего и не надо.

перевод с грузинского ИННЫ КУЛИШОВОЙ

Зал заседаний мэрии

ЗАСТЫВШАЯ МУЗЫКА АЛЕКСАНДРА ОЗЕРОВА

Один из наиболее известных тбилисских архитекторов конца XIX - начала XX веков Александр Григорьевич Озеров, родился в Грузии, в урочище Манглиси, 3 августа (по старому стилю) 1849 года. Отец - Григорий Иванович Озеров служил в Эриванском карабинерном полку штаб-лекарем. Мать - Любовь Карловна Ган, возможно, происходила из семьи немцев-колонистов, осевших в Тбилиси в начале XIX века.

В 1853 году отца перевели медиком в Анапский военный госпиталь, в 1856 году - в Дагестан главным лекарем Кизлярского, а с 1860 года Кушитинского военно-временного госпиталя.

Окончив на золотую медаль Ставропольскую губернскую гимназию, 18-летний Александр уезжает в Петербург для поступления в училище гражданских инженеров. В 1882 году его переименовывают в Институт гражданских инженеров. В годы учебы в нем Александра Григорьевича училище готовило кадры инженеров-архитекторов с высшим образованием. За отличные успехи его фамилия была занесена на памятную доску лучших выпускников.

В 1873 году он занимает должность младшего архитектора в Тифлисском губернском правлении, позже назначен производителем работ. В 1879 году он переходит в Тифлисскую городскую управу городским архи-

тектором и остается в этой должности до 1885 года. В 1888 году служит в Кутаиси губернским архитектором, но уже в начале 90-х годов Александр Озеров - архитектор Тифлисского общества взаимного страхования от огня.

В течение девяти лет Александр Озеров - архитектор управления инспектора удельных имений на Кавказе. Эти годы оказались предельно насыщены - он проектирует винодельни в Мукузани (1895-1901 гг.), Напареули, Дзегани, Мухрани (1905-1906 гг.), Карданахи, служебные здания в Чаквинском удельном имении (1900 г.), удельный подвал и здание для служащих в Одессе на Французском бульваре (1901-1902 гг.), водопровод и удельный подвал в Массандре (1901-1902 гг.), московский удельный подвал (1903-1904 гг.), центральный винный подвал в Одессе (1908 г.). Есть сведения о том, что архитектор ездил в Париж на одну из Всемирных выставок, где он мог ознакомиться с новейшими тенденциями в проектировании и строительстве винных подвалов.

Архитектурные сооружения, возведенные по озеровским проектам, интересны для нас не только использованием новаций, но и их удачным сочетанием с традиционными элементами грузинской архитектуры. Одно из таких сооружений - тифлисская удельная

подвал на бывшей Цхнетской (ныне ул. Меликишвили, 20). В основе объемного решения сооружения – стилизованные традиционные грузинские формы. В отделке фасадов легко «прочитываются» орнаменты, характерные для памятников грузинского зодчества предшествующих эпох. Некогда на фасаде была установлена мраморная доска: «1894-1896 гг. В благополучное царствование государя императора Николая II по распоряжению начальника главного управления уделов князя Л. Д. Вяземского сооружен сей подвал гражданским инженером А. Г. Озеровым».

В «грузинском стиле» решил Озеров дом Александра Чавчавадзе и подвал для вин в Цинандали (1886-1887гг.). Спустя 10 лет он проектирует дом известного грузинского промышленника и мецената Давида Сараджишвили на улице Ираклия Второго, 11. При решении фасада использует грузинские исторические архитектурные мотивы и предусматривает традиционный, но характерный для более раннего периода, висячий деревянный балкон, ненавязчиво подчеркивая «тбилиское» происхождение дома.

Озеровские постройки в «грузинском стиле» не выходят за рамки основных архитектурных принципов, господствовавших в эпоху эклектизма, но имели прогрессивное значение, т.к. способствовали созданию национального архитектурного стиля, использующего богатое историческое наследие. Александр Григорьевич первым применил этот стиль в интерьере, проектируя так называемый красный зал Тифлисской думы,

выстроенный в 1886 году (ныне зал заседания городской мэрии).

В 1916 году он проектирует расширение винодельни в удельном имении Вачеви.

Сооружения по проектам Озерова сохранились не только в Грузии, но и в России, Армении, Украине. Примечательна его деятельность по проектированию Боржомо-Ахалцихского и Коджорского шоссе, в 1885-1887 гг. он принимает участие в составлении проекта Авчалского водопровода (по сути, первого городского) и в качестве одного из производителя работ осуществляет проект, в 1899-1900 гг. исследует Натахтарские родники

с целью использования их в качестве дополнительного источника снабжения города питьевой водой.

Но пора вновь вернуться в Тбилиси и пройтись по его центральным улицам и площадям.

В эти весенние дни, пока листва деревьев не закрыла фасады, прогулка доставит особое удовольствие. Начнем ее с исторического Абанотубани у т.н. Мирзоевских бань. Озеров составил проект их реконструкции в 1880 году. На улице Леселидзе, 22-26, почти целый квартал занимает один из крупнейших в городе караван-сараяв (конец 1890 – начало 1900

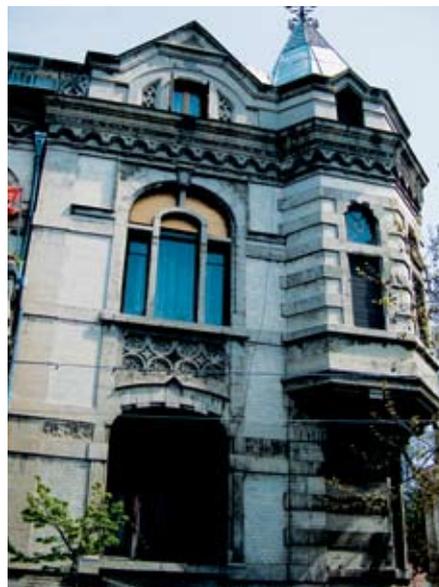

гг.), а потом поднимаемся к зданию бывшей 3-ей женской гимназии (1905 г.) на улице Асатиани, 28. Это один из самых значительных образцов стилизации под готику в Тбилиси. Пройдем на улицу Кикодзе. Здесь два здания выстроены по проектам Озерова, N 3 и N 6, последний – один из наиболее значительных и интересных образцов стиля модерн в Тбилиси (1906 г.). Спустимся на пл. Свободы, окинем взглядом здание мэрии.

Решение фасада принадлежит архитектору П. Ф. Штерну, а план реконструкции здания – Озерову. Ре-

ЗАСТЫВШАЯ МУЗЫКА АЛЕКСАНДРА ОЗЕРОВА

конструкция была завершена в 1886 году, в начале 10-ых годов XX века надстроили над боковыми флигелями третий этаж, и здание приняло современный вид.

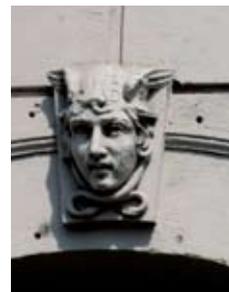
На Колхозной площади угол Пушкинской и ул. Н. Вачнадзе занимает здание поликлиники (1910 г.), оно хорошо просматривается с разных точек и неизменно попадает в кадр, если попытаться сфотографировать Мтацминду со стороны моста им. Бараташвили.

Продолжая знакомство с культурным наследием Озерова в Тбилиси, пройдем на проспект Руставели. Дом N 19, где еще недавно располагалось Министерство культуры, занят рядом учреждений. Он строился под гостиницу «Палас-отель» (1914 г.), его фасад органично вписывается в облик центрального проспекта. Пройдем в Евгеньевский тупик (ныне Д. Торадзе), здесь два дома, выстроены по проектам Озерова в 10-х годах прошлого столетия. Дом N 3 удачно сочетает европеизированный фасад с широкими деревянными балконами и ажурной винтовой лестницей – характерная для многих старых тбилисских домов деталь. Спустимся на ул. Костава. Оригинальным решением фасада выделяется дом N 12, по проекту 1910 года.

Когда-то на бывшей Ольгинской улице, 18 был «ректификационный завод» Давида Сараджишвили, также выстроенного по проекту Озерова (не сохранился). Существенно изменился фасад дома N 23 у входа на бывший Верийский рынок. Он выстроен в 1910-1911 гг., в советское время надстроены два верхних этажа. По проекту Озерова в 1905 году возвели угловой дом на пересечении улиц М. Костава и Н. Николадзе. На бывшей улице Белинского (ныне А. Човелидзе) хорошо сохранился дом N 7. Добротность и вкус отличают его фасад. Скромнее решено здание землемерного училища на улице Барнова, 46-50. Сегодня здесь средняя школа N 53.

Архитектор Озеров отдал дань увлечения «мавританскому», «ренессансно-бароккальному», «готическому» стилям. В поздний период творчества фасады его сооружений носят более однородный характер и выдержаны в популярном стиле «модерн», с характерными для Озерова вкраплениями отдельных элементов готики.

Александр Григорьевич знал немецкий и французский языки, владел грузинским, армянским, азербайд-

жанским. Его отличали высокая требовательность не только по отношению к себе – вникать во все мелочи, давно стало привычкой – но и к другим. Рассказывают, что он мог заставить заново перестроить почти завершенную стену, если хотя бы один кирпич был положен не так, как следует. Не в этом ли секрет долголетия его построек? Отметим, что профессионализм Озерова проявлялся во всем – он работал над чертежами один, составлял сметы, лично следил за качественным проведением работ.

Многие из сооружений по проектам А. Г. Озерова внесены в списки памятников архитектуры, но, к сожалению, ни на одном из них нет упоминания имени архитектора. Как нет его и в большинстве путеводителей по городу. Эклектизм и модерн еще недавно исследователями не воспринимались всерьез...

Яркий «след» оставил Александр Озеров и на левобережье Куры. Дом на Кахетинской площади не сохранился, поэтому начнем нашу прогулку с пр. Давида Агмашенебели, 44. Здание тбилисского почтамта хорошо знакомо тбилисцам и гостям города. Оно и сегодня выделяется на проспекте гармоничным фасадом, про-

сторными залами, мраморными лестницами, обилием росписей и конструкциями из массивного дерева, но немногие знают, что проектировалось оно в 1912 году как доходный дом. К нему примыкает доходный дом (ул. Чорохская) в стиле «модерн», также выстроенный по проекту Озерова в 1913 году. В бывшем саду И. Майера (ныне «Сад роз») Озеров проектировал ряд летних помещений Тифлисского кружка. Далее мы пройдем к дому № 121. Он строился как дом братьев Форер (1910 г.), ныне здесь размещен Международный гуманитарный союз «Катарсис».

На Боржомской улице три особняка (№ 14, 16, 18) построены по проектам Озерова. Первый из них архитектор выстроил для себя. В его стенах прошла жизнь Александра Григорьевича с 1891 года до кончины в ноябре 1922 года. Похоронен на старом Кукийском кладбище.

Потомки Александра Озерова покинули Тбилиси в 90-х годах прошлого века. Но память о талантливом архитекторе жива в неповторимых фасадах его строений, придающих Тбилиси своеобразный архитектурный облик.

ТАМАЗ ГЕРСАМИЯ

СТАРШИНА С АДМИРАЛЬСКОЙ ФАМИЛИЕЙ

Война началась для него неожиданно – с обстрела улицы, на которой жил обыкновенный питерский паренек Ваня Ушаков, только закрывший первый курс трамвайно-троллейбусного техникума. С первых дней войны он пошел работать “по специальности” в трамвайный парк, на нужды фронта. Вытачивал на токарном станке снарядные крышки, не сторонился слесарного дела, не лишние его руки и в кузнечном цехе, и получаемая 125-граммовая хлебная карточка была очень кстати в семье, которая, как и все, стала испытывать первый натиск голода.

Потом их, ленинградских детей, везли по Дороге жизни, по тонкому льду Ладоги в кузовах тяжелых ЗИСов, подальше от обреченного города, вокруг которого все теснее стягивалось кольцо блокады, а потом – в двух эшелонах, уходя от войны, бежавшей за ними по шпалам. И эти две недели на колесах мало отличались от фронтовых будней, холодных, вечно голодных, когда верхом желания была хлебная корочка. Как у героев повести «Ночевала тучка золотая» Анатолия Приставкина – Кольки и Сашки Кузьминых, увозимых в сиротских вагонах в волшебную страну Кавказ, где, верилось им, не рвались бомбы. А поезд увозил их все дальше к берегам Волги, делая короткие остановки, на которых детей кормили, следя, чтоб не передали, что было смерти подобно.

Кузьменьшам было легче – их двое. А Ушаковых у матери – Лукерьи Никифоровны – кроме старшего Вани, еще сын Виктор двенадцати лет и дочь Оля – десяти. И еще тревога за их отца. Семен Константинович, работник железнодорожного цеха Кировского завода, оставлен в городе на казарменном положении.

В марте сорок второго они в Пятигорске, где соседи, будто сговорились, подкармливали ленинградских детей.

Для 16-летнего Вани детство окончилось призывом в действующую армию, в пограничные войска. Нес ратную службу в Новороссийске и Тамани, многое повидал и вынес, в феврале сорок пятого даже принял участие в охране Ялтинской конференции глав правительств союзных держав.

Вспоминая довоенные мечты, думал, закончит школу, пойдет работать, накопит денег и поедет в теплый город Сочи.

Встреча с курортом отодвинулась на годы, стала возможна, когда его, бегуна-стайера, привлекли на учебно-тренировочные сборы. Не было еще красавца стадиона на Курортной улице, и сам Ваня продолжал мерить по старым, военным меркам, когда в начале пятидесятых встретил в Сочи четырехкратного олимпийского чемпиона в беге на 5000 и 10000 метров и марафоне чеха Эмиля Затопека. Герой Олимпиад в Лондоне и Хельсинки к тому времени имел открытый счет и мог себе ни в чем не отказывать. Ушаков вспоминает: «На завтрак Эмиль Затопек тратил сто рублей, а мы – только три».

Я смотрю на него, пытаюсь понять, в шутку он говорит или всерьез. Но в этой шутке угадывается сладость хлебной корочки военной поры, ее сытный запах. И уже с иной меркой оцениваешь возможности этого известного спортсмена, внешне мало похожего на атлета солдата спорта, которыми он силен и велик.

В жизни каждого человека бывают переломные моменты, круто меняющие его судьбу. Такой случай представился в Новороссийске после знакомства с младшим сержантом Сергеем Синцовым, предложившим вместе готовиться к армейским соревнованиям. После старта на 1000 м Ушаков даже не помнил, как бежал. Первым

вперед ушел Сергей и до финиша не уступил никому лидерства. Ваня был третьим. На следующий день – бег на 5000 м. Для выхода в следующий этап соревнований ему надо быть вторым. Бежали в скверную погоду: знаменитый норд-ост сносил с дистанции, но он все же пришел первым, опередив своего первого учителя техники бега. И еще долго оттачивал ее, соревнуясь в солдатских сапогах, прошивших каши.

1945 год. Окружные соревнования в Батуми. На стадионе – плакат «Смерть немецким оккупантам!» Ушаков улучшает личные результаты в беге на 1000 и 5000 метров, а через год на всегрузинских соревнованиях выигрывает звание чемпиона на 5000 м и побивает рекорд республики в часовом беге, установленный в 1938 году.

В конце 49-го сержанта Ушакова переводят на службу в Закавказский пограничный округ. В Тбилиси он женился на студентке физкультурного техникума, вместе с Валентиной Михайловной создал семью. Их сыновья – радиофизик Юрий и инженер-транспортник Виталий – живут в Москве и Санкт-Петербурге – сами родители и также дружны со спортом. Закончив службу в армии, Иван Семенович поступил в Грузинский институт физкультуры и окончил его с отличием.

К тому времени мать с меньшими детьми вернулась в Ленинград, к отцу. А он остался жить в Грузии, где при-

кипел душой к этому теплому краю, ее сердечным людям, несмотря на приглашения, хотя отлично понимал, что тренироваться и бегать длинные дистанции в условиях высокогорья куда труднее, чем на равнине. И результаты, естественно, будут скромнее. И все же...

Иван Семенович скромно, но с чувством собственно-

го достоинства, вспоминает 1952 год – сезон дебюта советских спортсменов на Олимпийских играх в Хельсинки, когда его результаты на длинных дистанциях были лучше времени бегунов, привлеченных в сборную страны. Потом эти счастливики, понятно, намного улучшали свою спортивную форму, а один из них – Александр Ануфриев даже удостоился бронзовой олимпийской медали в беге на 10000 м.

Попробовал я разобраться во всех дипломах и грамотах этого, без преувеличения, легендарного спортсмена и сбился со счета. Только в 1946-1957 г.г. Ушаков 17 раз становился чемпионом Грузии в беге на 5 000 и 10 000 м и 3 000 м с препятствиями. Борясь за выносливость и скорость, освоил все средние и длинные дистанции, бегал марафон и стипль-чез. В 1946-1957 г.г. участвовал в шести чемпионатах СССР по легкой атлетике. В Днепропетровске, Харькове, Москве, Ленинграде, Киеве, Минске вместе с ним соревновались заслуженные мастера спорта Владимир Куц, Петр Болотников, Владимир Казанцев, Федосий Ванин и другие великие стайеры. Иван Ушаков с бронзовым призером Хельсинкской олимпиады заслуженным мастером спорта Леваном Санадзе и многократным чемпионом Грузии в беге на средние дистанции Валерием Вашикидзе делит 4-6 места по количеству установленных рекордов Грузии. Их у них по 14.

С 1952 по 1990 год Иван Семенович работал тренером в обществе «Динамо». Имеет репутацию одного из лучших судей в отечественной легкой атлетике. И еще одно рекордное достижение: он 44 года преподавал физическое воспитание в тбилисской 64-й средней школе, приобщая тысячи девочек и мальчишек к занятиям спортом. Многие из них впоследствии стали известными спортсменами, помнят уроки физкультуры и нравственности Ивана Семеновича, его фотографию на школьном стенде пятерых участников ВОВ «Они ковали победу».

Участник I Спартакиады народов СССР, традиционных весенних легкоатлетических соревнований команд Грузии, Азербайджана, Армении и Молдавии, матчевых встреч со сборными прибалтийских республик, он помнил слова, высеченные на камне более 2,5 тысячи лет назад на родине олимпиад Элладе, – «Хочешь быть сильным – бегай. Хочешь быть красивым – бегай. Хочешь быть умным – бегай», ставшие лозунгом соревнований ветеранов спорта.

В 1997 году Ивана Ушакова увидели среди участников атлетического кросса на Тбилисском ипподроме, в возрастной группе свыше 70 лет. Дистанция – 1 км. Со старта он, опасаясь получить травму в толчее, пропустил вперед всех участников, а потом начал обходить одного за другим. Пройдена половина дистанции, а впереди трое и разрыв – больше пятидесяти метров. «Подумалось, – рассказывает мне, – фора, пожалуй, велика. Подбегу-ка я поближе». И 72-летний чемпион победил, да еще с отрывом от преследователей метров на пятнадцать. Домой пришел прихрамывая, но довольный...

Вот так живет и продолжает соревноваться с нестаряющимися душой ветеранами. И, представьте, побеждает. Последняя его победа пришла на 2004 год. Его спрашивают: «Сколько можно бегать?», а он не собирается вешать на гвоздь беговые туфли.

Его шестидесятилетней давности рекорд Грузии в часовом беге – 18 км 134 м – не побит до сих пор!

АРСЕН ЕРЕМЯН

СОКРОВИЩНИЦА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСКУССТВА

Государственной Третьяковской галерее сто пятьдесят лет!

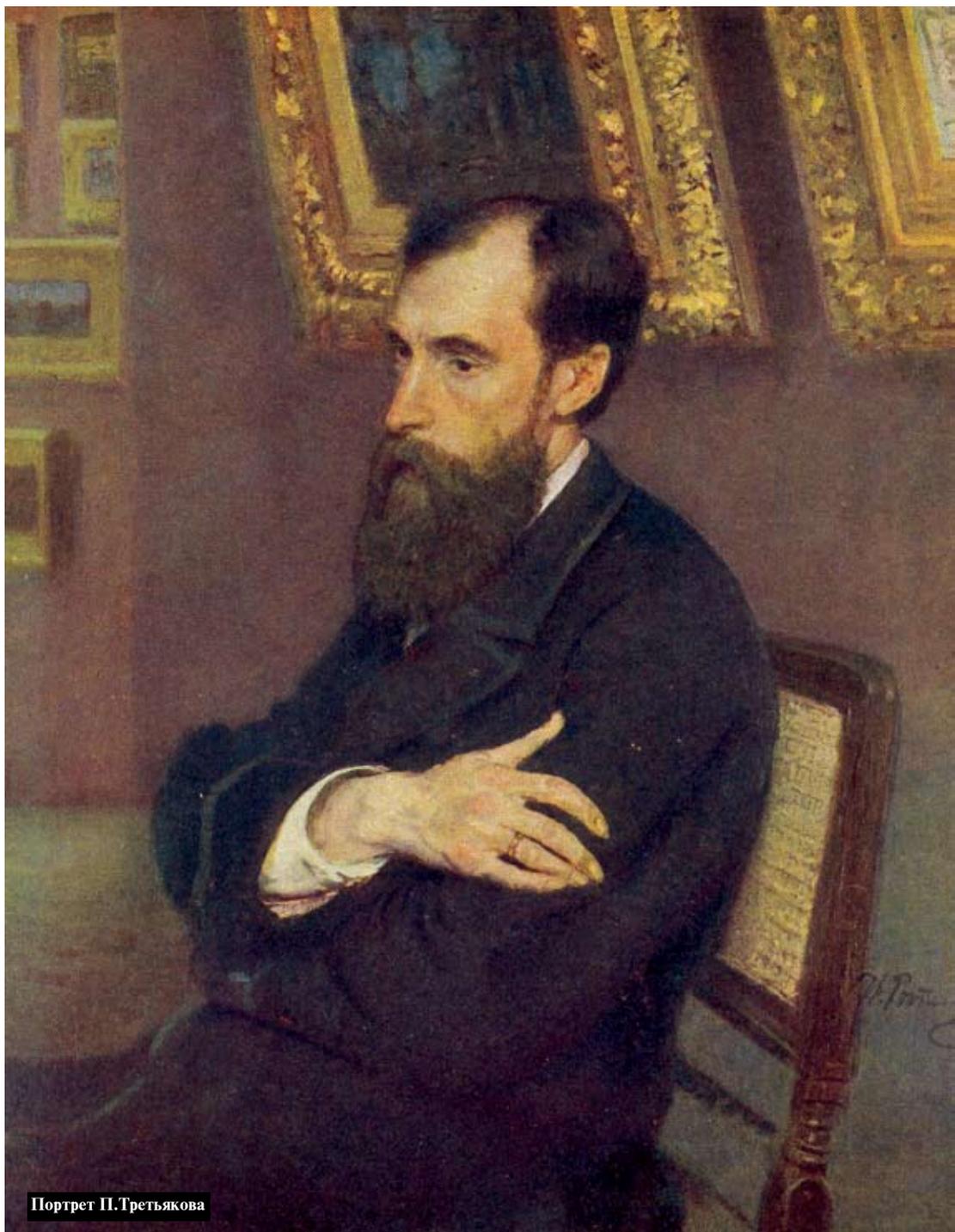
Как нельзя представить Париж без Лувра, Лондон без Британского музея, Петербург без Эрмитажа, так и Москва немислима без всеми любимой Третьяковки, ставшей средоточием сокровищ русского искусства.

Начиналось все в 1856 году, когда двадцатичетырехлетний московский предприниматель и любитель искусства Павел Михайлович Третьяков приобрел две картины у русских художников В.Г.Худякова и Н.Г.Шильдера.

В те годы разбогатевшее московское купечество, подражая аристократии, занялось коллекционированием предметов старины и произведений искусства, но это, скорее всего, было просто выгодным вложением капитала. Все эти частные собрания, как, впрочем, дворцовые и аристократические, были доступны для очень ограниченного круга избранных лиц, так называемой «чистой» публики.

Но у Третьякова была иная цель: он мечтал о создании общедоступного музея национального искусства. Время, когда он начал свою собирательскую деятельность, было для России переломным:

только что унижительным миром закончилась Крымская война, и вместе с ней завершилось бесславное царствование Николая Первого. Необходимость перемен и, в первую очередь отмены позорного крепостного права, тормозящего развитие страны, воспринимались как первостепенная задача общества. Передовые демократические идеи все шире овладевали умами лучших представителей искусства и литературы, стремившихся способствовать своей деятельностью воспитанию гражданского и общественного самосознания народа. В борьбе с обветшалыми традициями академического искусства рождалось новое художественное направление, чьим знаменем стали реализм и народность, а

Портрет П.Третьякова

основным содержанием – жизнь народа и обличение социальной несправедливости. Третьяков стал собирать живописные полотна, отражающие самые животрепещущие идеи своего времени. Так в его коллекции появляются отвергнутая академическим Советом и запрещенная к показу на выставках картина В.Г.Перова «Сельский крестный ход на пасхе» и картина В.В.Пукирева «Неравный брак».

С учреждением в 1870 году Товарищества передвижных художественных выставок, Третьяков мог приобретать прямо с выставок произведения, воспевающие нравственную и физическую красоту народа, величие и обаяние родной природы, славное историческое прошлое России. Славу и гордость его собрания составили картины Н.Н.Ге («Петр Первый допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе»), В.И.Сурикова («Утро стрелецкой казни» и «Боярыня Морозова»), И.Е.Репина («Иван Грозный и сын его Иван»), эпически величавые ландшафты И.И.Шишкина, лирические пейзажи А.К.Саврасова и Ф.А.Васильева, полные глубоких философских раздумий о взаимоотношениях человека и природы живописные полотна И.И.Левитана.

Третьяков мечтал создать галерею портретов выдающихся русских деятелей в области искусства, литературы и науки. Он стал заказывать их портреты известным художникам. В.Г.Перовым были написаны портреты А.Н.Островского и Ф.М.Достоевского, последний назван И.Н.Крамским «одним из лучших портретов русской школы». Сам Крамской, по заказу Третьякова, написал для его собрания портреты Л.Н.Толстого, М.Е.Салтыкова-Щедрина и Н.А.Некрасова.

Уважая и высоко ценя желание Павла Михайловича «положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств», русские художники ус-

тупали ему свои лучшие работы. Но и собиратель не оставался перед ними в долгу: «его бумажник всегда был открыт для художественной братии», как писал репортер «Биржевой газеты».

Коллекция, размещавшаяся в жилых покоях дома в Толмачевском переулке, разрасталась, и тогда Третьяков принял решение построить для нее специальное здание на принадлежавшем ему земельном участке. Позднее, в 1902 году к этому зданию был пристроен

А.Рублев. Троица Ветхозаветная

знакомый всем фасад, сооруженный по проекту художника Виктора Васнецова. Итак, у галереи появился новый, ныне всем известный адрес – Лаврушинский переулок, 12.

Одновременно с Павлом Михайловичем, пользуясь его советами, занимался собирательством произведений русских и западных художников его младший брат Сергей Михайлович. После его безвременной кончины, исполняя его последнюю волю, П.М.Третьяков 31 августа 1892 года передал Москве оба собрания, сохранив за собой право оставаться попечителем галереи. Городская Дума приняла решение присвоить новому музею наименование «Московская городская художественная галерея П. и С. Третьяковых».

Современники с благодарностью и признательностью восприняли этот дар, отмечая, что «галерея является беспримерным и бесценным художественным собранием, так как за нее заплачено колоссальным личным трудом, грандиозной любовью к делу и ... достойной высокой похвалы самоотверженностью».

После смерти Третьякова в 1898 году делами галереи занимался специально избираемый Совет, куда входили в разное время известные русские художни-

ки В.А.Серов, И.С.Остроухов, И.Э.Грабарь. Для галереи по-прежнему приобретались работы знаменитых русских художников, а также древнерусские иконы и предметы декоративно-прикладного искусства.

К.Малевич. На сенокосе

В 1918 году галерея была признана национальным достоянием и, сохранив свое название в память об основателях, стала одним из важнейших центров изучения и исследования отечественного искусства и очагом национальной культуры.

В собрании представлены все этапы развития русского искусства. Она обладает богатейшим собранием древнерусской живописи: шедеврами иконописи псковской, новгородской, московской школ, бесценными творениями Андрея Рублева и Дионисия. Портретная живопись XVIII века представлена работами замечательных портретистов Ф.Рокотова, Д.Левицкого и В.Боровиковского, а расцвет русской живописи в первой половине XIX века отражен в полотнах выдающихся мастеров К.Брюллова, О.Кипренского, В.Тропинина, А.Иванова.

Третьяковская галерея располагает самым значительным собранием работ художников-реалистов второй половины XIX века, вошедших в историю русского искусства как художники-передвижники:

И.Крамского, В.Маковского, Г.Мясоедова, братьев В. и А.Васнецовых и других.

Сложный и противоречивый период развития национального искусства на рубеже XIX-XX веков представлен работами В.Серова и К.Коровина, М.Врубеля и М.Нестерова, К.Сомова и А.Бенуа, Е.Лансере и З.Серебряковой.

Вместе со всей страной Третьяковка переживала военное лихолетье 1941-1945 годов, находясь в эвакуации в Новосибирске. Не обошли ее стороной и репрессивные идеологические кампании, направленные против «формализма в искусстве» и «низкопоклонства перед Западом»: из экспозиции на долгие годы были изъяты произведения художников, известных во всем мире как представители художественного направления, получившего название «русский авангард» В.Кандинского, М.Шагала, К.Малевича, М.Ларионова, Н.Гончаровой и других. Ныне их работы составляют гордость собрания, привлекая многочисленных любителей искусства и специалистов-исследователей.

Серьезным испытанием стал и затянувшийся на долгие годы капитальный ремонт основного здания, в результате которого расширились экспозиционные площади за счет пристройки новых помещений.

Государственная Третьяковская галерея является не только крупнейшим научным центром. В галерее ведется огромная просветительская работа по пропаганде достижений отечественного искусства и эстетическому воспитанию подрастающего поколения. Выставки коллекций Третьяковки с нетерпением ожидаются во многих странах.

В.Перов. Крестный ход

Неизмеримо выросло число посетителей – более двух миллионов в год. Многомиллионными тиражами расходились открытки и репродукции с картин, ставших классикой русского искусства.

Государственная Третьяковская галерея – сокровищница русского искусства – вот уже полтора века продолжает осуществлять благородную миссию, завещанную ее основателем: быть общедоступным народным художественным музеем.

НОННА ЭЛИЗБАРАШВИЛИ

АО Теласи снабжает электроэнергией 411 тысяч 500 абонентов г. Тбилиси, из которых 395 тысяч – физические лица, 14 тысяч – коммерческие, а 2500 – бюджетные организации.

С 1 сентября 2003 г. контрольным пакетом компании владеет русский энергохолдинг РАО «ЕЭС РОССИИ», закупивший акции Теласи у корпорации AES. Со дня прихода РАО «ЕЭС РОССИИ» в Грузию в Теласи утвердился эффективный, ориентированный на потребителя стиль управления. По сравнению с предыдущими годами, значительно сократилось число энергоограничений и аварий в столице, повысилась степень надежности электроснабжения.

Для реабилитации электrorаспределительной сети г. Тбилиси Теласи осуществляет миллионные инвестиции, направленные на модернизацию электрокабельного хозяйства и систем учета электроэнергии в столице. В 2006 г. компания завершит процесс выноса счетчиков в абонентском секторе г. Тбилиси.

Либеральная тарифная политика Теласи в течение последних трех лет предохраняет тбилисского потребителя от скачкообразных колебаний. Взаимоотношения населения и компании осуществляются в условиях стабильного тарифа на электроэнергию.

Грузия, г. Тбилиси 0154, ул. Ванская, 3
Тел: (995 32) 779 755; (995 32) 779 979; (995 32) 255 211;
Факс: (995 32) 779 981
e-mail: inform@telasi.ge
www.telasi.ge

გაერთიანებული ქართული ბანკი
UNITED GEORGIAN BANK

Address: 14 Chanturia Str. Tbilisi, 0102 Georgia
Telephone: (+ 995 32) 505-505
Fax: (+ 995 32) 505-500
E-mail: admin@ugb.com.ge
Internet: www.ugb.ge